

Ростислав Самбук

КРАХ ЧЕРНЫХ ГНОМОВ

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Коллекция военных приключений

Ростислав Самбук

Крах черных гномов

«ВЕЧЕ»

1968

Самбук Р. Ф.

Крах черных гномов / Р. Ф. Самбук — «ВЕЧЕ»,
1968 — (Коллекция военных приключений)

ISBN 978-5-4484-7162-9

Последние месяцы Великой Отечественной войны, и фашистские бонзы, надеющиеся укрыться от наступающего возмездия, стараются обеспечить свое эфемерное будущее. Советскому разведчику Петро Кирилюку приходится превратиться в немецкого коммерсанта Карла Кремера и отправиться в Дрезден, в штаб группенфюрера СС фон Вайганга. Там же, под Дрезденом, находится секретный завод, который очень интересуется руководство Красной армии... Широко известный роман одного из мастеров советской остросюжетной литературы.

ISBN 978-5-4484-7162-9

© Самбук Р. Ф., 1968

© ВЕЧЕ, 1968

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	46
-----------------------------------	----

Ростислав Самбук

Крах черных гномов

© Самбук Р.Ф., наследники, 2017

© Доронин В., Цветков Е., перевод с украинского, 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.vecche.ru

* * *

Под утро опустился густой туман. Сразу стало сыро и холодно. Фридрих Ульман поднял воротник старенькой форменной тужурки, поежился. Дрянная погода – и так промерз до костей, а тут еще моросить начало. Сейчас бы стопку шнапса, яичницу с ветчиной и забраться под теплое одеяло. От мысли о яичнице засосало в желудке. Когда он в последний раз ел яичницу с ветчиной? Пожалуй, еще до войны. Э-э, зачем врать самому себе? В прошлом году на Рождество Марта ухитрилась угостить их яичницей. Настоящей, с подрумяненной душистой свиной.

Ульман потоптался на месте, помахал электрическим фонариком. Черт побери, в таком тумане все равно ничего не видно и в десяти шагах. Достал свисток, пронзительно засвистел.

Издали донесся протяжный гудок паровоза. Туман заглушал звуки, и Ульману показалось, что это гудит не старенький маневровый паровоз, а какой-то мальчонка забавляется игрушечной дудочкой. Такой же, какую Фридрих подарил когда-то сыну.

Вспомнив об этом, старик улыбнулся в усы. Горсту тогда не было и двух лет. Он сидел на горшке, розовощекий, толстенький, в рубашонке выше пупка, и победно дудел в только что подаренную трубу. Дудел, почти не переставая, несколько часов, пока мать не отобрала игрушку. Но это привело к еще худшему: Горст заревел громче трубы. Потом уцепился за юбку матери, закричал:

– Моя музыка!.. Отдай музыку!..

Марта для порядка шлепнула Горста по голому задку. Но малыш не выпускал юбку и громко верещал – мать наконец вынуждена была капитулировать. Горст залез под кровать и, вероятно, в знак протеста затрубил так, что Марта зажала уши и выбежала на кухню.

Медленно надвигались из тумана вагоны. Ульман вскочил в тамбур первого вагона и изо всех сил засвистел. Паровоз замедлил ход, лязгнули буфера. Сцепив вагоны, Фридрих быстро направился вдоль колеи к паровозу.

– Уже пять, Клаус, – тихо сказал седому машинисту, который высунулся в окошечко. – Он должен быть через полчаса...

Машинист кивнул и исчез в будке. Паровоз тяжело запыхтел и, набирая скорость, растворился в тумане.

Ульман немного постоял, как бы собираясь с мыслями, и направился к диспетчерской.

В небольшой комнатке перед диспетчерской, где рабочие переодевались и обедали, Фридрих задержался на несколько минут. В углу сидел человек с болезненным, морщинистым лицом. Он поднял на Ульмана невидящий взгляд и не ответил на приветствие.

– Что с тобой, Курт? – спросил Ульман, но тот отвернулся.

– Не трогай его, – посоветовал кто-то из рабочих, кутивших возле дверей. – Плохая весть о сыне...

«Теперь у Курта...» – подумал Фридрих и вдруг поймал себя на мысли, что эта новость почти не взволновала его. Воспринял ее как нечто естественное, обычное – и ужаснулся.

«Кажется, его Генрих моложе Горста на год, – подумал он. – Значит, парню было уже девятнадцать... Но у Курта еще двое...»

Подсел к другу, положил на плечо тяжелую, мозолистую руку.

– Не растравляй себя, – произнес тихо, почти шепотом. – Это легче всего – растравить...

Курт бессмысленно посмотрел на Фридриха.

«Он постарел на десять лет», – подумал Ульман, заметив глубокие морщины под глазами товарища.

– Не надо убиваться, – повторил. – Тут уже ничего не поделаешь.

– Генрих был лучшим учеником в гимназии, – вслух продолжал свои мысли Курт, – и если бы он потерял только пальцы, как твой Горст, то мог бы стать неплохим математиком...

Фридриху стало не по себе, словно он виноват перед другом. Понимал: он тут ни при чем. Что ж, ему повезло, сын возвратился, – и все же неловкость не проходила. Не мог найти слов, чтобы утешить убитого горем Курта. Похлопал его по плечу, тяжело поднялся и вышел во двор.

Ульман постоял несколько минут у ворот, дождался, когда из будки выглянул вахтер, перекинулся с ним несколькими словами. Попросил у вахтера прикурить, угостил его сигаретой и, надвинув на лоб кепку, быстро пошел вдоль высокого забора.

За углом прижался к мокрым доскам, опасливо огляделся вокруг. Постоял несколько секунд, прислушиваясь, рванул плохо прибитую доску и еле протиснулся в узкую щель.

За забором, в тупике, стояли разбитые товарные вагоны. Ульман пролез под ними, миновал будку стрелочника и осторожно, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза, пошел к маневровому паровозу, который пыхтел на запасном пути.

Увидев Фридриха, седой машинист кивнул ему и начал выпускать пар из котла. Белое облако закрыло маленькую фигурку, что прижалась к вагону.

Прошло минут пять. Ульман напряженно вглядывался во мглу, но ничто, кроме дыхания паровоза, не нарушало тишину.

– Проклятый туман, ничего не видно, – пробурчал сердито, но тут же выругал себя. Туман – это хорошо, туман скрывает и его, а он, старый дурак, недоволен.

Донеслись голоса. Ульман чертыхнулся и спрятался в тамбуре. Люди вынырнули из тумана совсем близко, прошли, размахивая фонарями и громко разговаривая, и вновь тишина. Наконец, кажется, он...

Приближался кто-то высокий и неуклюжий, насвистывая веселую песенку. У Ульмана екнуло сердце. Как только человек поравнялся с паровозом, выпрыгнул из вагона.

– Это ты, Фридрих? – спросил высокий, вздрагивая и отступая на шаг.

– Привет, Карл, – подал руку Ульман. – Ты чего испугался?

– Прыгаешь, как черт в аду. Под самым носом, – вымученно улыбнулся Рапке.

– Не думал, что ты такой нервный...

– Теперь у всех нервы знаешь какие...

Они двинулись узким коридором между вагонами. Ульман на миг оглянулся, поймал внимательный взгляд машиниста и подал ему незаметный знак рукой.

– Ты что-то сказал о нервах... – искоса глянул на Рапке. – Что ты имел в виду?

– Да ты что, вчера только родился или как?.. – ответил тот вопросом.

– Голова полысеть успела, а никак в толк не возьму... – наигранно удивился Фридрих.

Рапке боязливо оглянулся, остановился и внимательно посмотрел Ульману в глаза.

– Слышал вчерашнее сообщение ставки фюрера? Русские наступают...

– Ну и что же? – спокойно ответил Ульман. – Наши сокращают линию фронта.

– Сколько же можно сокращать?

– Границы рейха несокрушимы. Вспомни последнее выступление фюрера!

– И ты веришь во все это?

Ульман, не отвечая, повернулся и пошел. Рапке поспешил за ним, шаркая подошвами по мокрому шпалам.

– Ты умный человек, Фридрих, – начал он, горячо дыша Ульману в затылок, – и не можешь не понимать, что все начинает разваливаться...

Фридрих остановился. Слева, постукивая на стыках рельсов, быстро накатывался товарняк.

– Ты имеешь в виду... – начал многозначительно.

– Когда-то ты, кажется, был социал-демократом? – быстро прошептал Рапке. – И мне говорили, что до сих пор не изменил своих взглядов...

Ульман резко остановился.

– Кто говорил?

Рапке ощупал Ульмана внимательным взглядом, на миг оглянулся. Передний вагон почти поравнялся с ними. И тут Фридрих толкнул Рапке в грудь. Пытаясь удержаться, тот схватился за плечо Ульмана, но Фридрих ударил его коленом в живот и толкнул прямо под вагон.

Рука Рапке скользнула по буферу, но вагон уже свалил его, колеса накатились... Рапке еще успел закричать, но в тот же миг паровоз засвистел.

Не оглядываясь, Ульман нырнул под вагоны, что стояли на соседней колее, пробежал с десятков метров, снова пролез под вагонами, нащупал щель в заборе, осторожно выглянул. Темнота и туман хоть глаз выколи...

Ульман свернул в первый же проулок, шел быстро, заложив руки в карманы и тяжело дыша. Только теперь вспомнил – ему давно хотелось пить. Жажда мучила, и он облизывал губы. Кажется, за углом, на соседней улице, колонка. Ульман ускорил шаги.

Вода текла тонкой холодной струйкой – Фридрих пил жадно, громко хлебая, и никак не мог напиться.

* * *

Кирилюк отстегнул парашютные стропы и осмотрелся вокруг. Метрах в ста – редкий лиственный лесок, совсем рядом – линия высоковольтной передачи. Поежился – если бы немного левее, опустился бы как раз на провода...

Ноги вязли в торфянике. Петро отнес парашют к небольшому холмику рядом с лесом. Там было суше и в случае чего можно скрыться в кустарнике.

Начал складывать парашют. Работал быстро и ловко, как учил инструктор. Улыбнулся про себя: еще вчера такой же работой занимался на подмосковном аэродроме... А сегодня он уже на земле враждебной Германии.

Кирилюк закопал парашют, аккуратно закрыл землю дерном и, сверившись с компасом, зашагал через лес к дрезденскому шоссе.

Небо посветлело. Лес был редкий, лишь кое-где путь преграждали заросли кустарника. Петро по возможности обходил их, чтобы не запачкаться или, не дай бог, порвать модное пальто из драпа мышинного цвета.

Шел, часто останавливаясь и осматриваясь вокруг. В случае чего лучше переждать где-нибудь в чаще – нелегко будет объяснить, почему богатый коммерсант совсем не в туристской одежде на рассвете блуждает по лесу, к тому же вдалеке от шоссе и больших населенных пунктов. Правда, до автострады, как оказалось, было не так уж и далеко. Через полчаса Петро совсем неожиданно для себя увидел в нескольких шагах километровый столб и широкую ленту асфальта – значит, летчик немного ошибся в расчетах.

Кирилюк сверился с картой: столб был прекрасным ориентиром – в полутора километрах на юго-восток автостраду пересекала железная дорога. Здесь, возле моста, будет удобно дожидаться машины.

Лесной тропинкой Петро вышел на проселок, соединяющий автостраду с соседним селом. Не торопясь подошел к мосту. Под навесом автобусной остановки не было никого – Кирилюк облегченно вздохнул и поставил свой кожаный саквояж на большую скамейку для пассажиров.

Проехало несколько грузовых машин, но ни одна не остановилась. На бешеной скорости промчался закрытый «опель-адмирал».

Но вот и автобус, старая, потрепанная машина с высокими баллонами газогенератора. Он тяжело отошел от остановки, оставляя за собой шлейф черного дыма. Петро, примостившись на заднем сиденье, сразу ощутил облегчение – приятно чувствовать себя в Германии солидным коммерсантом Карлом Кремером, у которого в саквояже несколько пачек крупных банкнотов и драгоценности в секретном отделении.

Не глядя на кондуктора, Петро сунул ему деньги. Тщательно пересчитал сдачу и спрятал в кожаный кошелек.

Убрав его, Карл Кремер натянул мягкие лайковые перчатки, оперся на палку с серебряным набалдашником и задремал. По крайней мере так подумал кондуктор, который сразу проникся уважением к этому еще молодому, но такому респектабельному господину.

Автобус, чихая и дребезжа, набирал скорость. Карл Кремер сквозь полуопущенные ресницы следил за дорогой. Ни одного населенного пункта – автострада вынесена из городов и сел, – только леса с увядшими листьями да поля.

Движение постепенно усиливалось. По шоссе мчались преимущественно грузовые машины. Карл Кремер провожал их оценивающим взглядом, стараясь сразу определить и запомнить характер грузов.

Увидев тяжелый «мерседес», соображал: «Третий грузовик с минами. Да, мины, ошибки быть не может, именно в таких ящиках их и перевозят. К тому же в каждой машине – охранник. Значит, где-то поблизости изготавливают мины. Не там ли, справа от шоссе, где заводская труба? Как раз оттуда вынырнула груженная машина, точно такая, как и те, которые он видел раньше. Знак, что въезд запрещен. Значит, военный объект. Постой, какой это километр? На сто тридцать седьмом километре дрезденского шоссе на восток от автострады – завод по изготовлению мин...»

Карл Кремер знал: о сто тридцать седьмом километре он уже не забудет. Левицкий учил его запоминать десятки цифр, лишь взглянув на них.

У Карла потеплело на сердце при воспоминании о Левицком. Этот пожилой уже подполковник относился к нему, как к сыну. Правда, он требовал от Петра Кирилюка почти невозможного: в течение двух-трех месяцев усвоить то, что в нормальных условиях люди осваивали годами. Семь часов сна – все остальное время отводилось на занятия. Левицкий давал Кирилюку только два свободных вечера в месяц. Можно себе представить, как ждал их Петро – ведь в эти вечера он встречался с Катрусей.

Она работала в военном госпитале. Ни разу не опоздала на свидание, – может, знала, что у Петра рассчитана каждая минута, а может (он тешил себя этой мыслью), приходила раньше потому, что сама не могла дожидаться встречи...

Они бродили по московским улицам или просиживали где-нибудь на лавочке в парке почти до одиннадцати, когда ему уже пора было возвращаться... Петро не любил ходить с Катрусей в кино или в театр – все равно почти все время смотрел только на нее. Ему больше нравилось вот так просто сидеть, смотреть и слушать, слушать Катрусю... О чем бы ни рассказывала она – о своих раненых или неприятной стычке с главным врачом, о письме брата Богдана или впечатлении от последнего фильма...

Особенно любил он минуты, когда Катруся читала письма от Богдана. Не только потому, что Богдан был его другом и каждая весточка от него волновала и радовала, – видел, как светилась от счастья Катруся, читая листки, исписанные крупным почерком.

Богдан огорчился тем, что ему не удалось после освобождения Львова пойти в армию. Его избрали секретарем горкома комсомола, и теперь он целыми днями бегаёт по городу – организовывает молодежь на работы по расчистке улиц, направляет на производство, чтобы скорее наладить выпуск необходимой фронту продукции, создает первичные организации. Сначала Богдану казалось, что всю эту его бурную деятельность нельзя сравнить даже с небольшим боем. Но скоро, описывая, как им удалось наладить ремонт танков, признался: и в тылу можно быть полезным.

А Львов стал действительно глубоким тылом: советские войска подходили к границам Германии, и чуть ли не каждый вечер Москва озарялась огнями, салютуя в честь все новых и новых побед.

Во время одного из таких салютов Левицкого и Кирилюка вызвал генерал Роговцев.

Он исподлобья взглянул на них, жестом приглашая садиться.

– Как дела у старшего лейтенанта?

– Подвигаются, – тихо, но четко ответил Левицкий. – Думаю, за пару месяцев, учитывая военную обстановку, будет подготовлен.

– Значит, через два месяца? – переспросил генерал. – А нельзя ли ускорить?

Подполковник развел руками:

– И так темпы невероятные...

– Жаль, жаль... – как бы в раздумье, произнес Роговцев. – И все же придется ставить точку... Вы не возражаете, старший лейтенант?

Кирилюк с шумом отодвинул стул, встал:

– Слушаюсь, товарищ генерал!

– Сидите, сидите... – поморщился тот. – И вообще лучше б вы забыли об этом. У нас строевая подготовка – не самое главное.

Левицкий осторожно улыбнулся. Он хорошо знал слабость генерала: Роговцев любил истинно подтянутых военных. В то же время генерал понимал, как иногда важно разведчику не выдать своей военной выправки.

– Карл Кремер, – прищурился Роговцев, – никогда не служил в армии. К тому же, кажется, у него что-то там с ногой, он ходит с тростью и не должен иметь военной выправки. Это может дорого ему обойтись.

– Но ведь с Карлом Кремером покончено три месяца назад, – начал Кирилюк, – и...

– В том-то и дело, что не покончено, – прервал его генерал. – Ювелир Кремер снова должен появиться на горизонте. Конечно, при других обстоятельствах и в другом месте.

Роговцев достал из стола папку с бумагами, перелистал их.

– Вы знаете, где находится сейчас группенфюрер СС фон Вайганг? Хотя откуда вам это знать? Так вот, Вайганг теперь является особоуполномоченным рейхсфюрера СС в Саксонии. По полученным из Берлина сведениям, он возглавляет отдел Главного управления имперской безопасности «037-С», который дислоцируется в Дрездене.

Генерал поднял глаза, чтобы посмотреть, какое впечатление произвели его слова.

Подполковник сидел, небрежно откинувшись на спинку стула, словно ничто на свете не интересовало его, и меньше всего какой-то группенфюрер СС. И только по тому, как он, едва приподняв брови, быстро взглянул на генерала, можно было определить: сообщение глубоко взволновало его. Кирилюк ничего не понял. Широко открытыми глазами смотрел то на генерала, то на подполковника.

– Разрешите? – решил наконец нарушить молчание. – Вы имеете в виду прежнего губернатора дистрикта¹, моего, так сказать, опекуна и покровителя?

Роговцев кивнул.

¹ Округ (англ.).

– Я прошу вас, – сказал он, внимательно глядя на Кирилюка, – напомнить нам некоторые детали вашего знакомства с Вайгангом. Или, еще лучше, расскажите все по порядку. Что случилось после вашего побега из лагеря?

– В ночь на девятое ноября сорок первого года, – начал Кирилюк суховато-протокольным стилем: привык – приходилось рассказывать свою биографию не раз, – из лагеря, расположенного во Львове, был совершен групповой побег военнопленных. Я был ранен в ногу...

Генерал остановил его.

– Это мне известно в деталях. Итак, после побега вы с вашим другом Богданом Стефанишиным укрылись в доме, принадлежавшем его сестре Екатерине Стефанишиной. Она и познакомилась с вами одного из руководителей львовского подполья, Евгения Степановича Зарембу. Так?

– Так точно. Евгений Степанович приходил к нам несколько раз – я понял, что он прощупывал меня и Богдана. Однажды он появился поздно вечером и был явно взволнован. Тогда же устроил мне целый экзамен по немецкому языку. Вероятно, мои познания в немецком устроили его, потому что на следующий день Заремба рассказал мне о Карле Кремере.

– И сразу предложил вам сыграть его роль?

– У него не было другого выхода. В условиях подполья не так-то легко найти человека, свободно владеющего немецким.

– Так... так... – согласился Роговцев. – Заремба объяснил вам, что партизаны на шоссе Мостиска – Львов обстреляли легковой автомобиль. Пассажиры машины были убиты. Из захваченных документов стало ясно, что одним из них был Карл Кремер. Он вез рекомендательное письмо из Бреслау от своего дяди ювелира Ганса Кремера губернатору дистрикта группенфюреру СС фон Вайгангу. Вы помните текст письма?

Кирилюк на мгновение зажмурился. Как мог забыть? С этого письма и началась его карьера разведчика. Но почему разведчика? Только сейчас его научили кое-чему, а тогда?.. Просто он выполнил свой долг, как сумел... Вероятно, профессиональный разведчик гораздо лучше использовал бы предоставившиеся возможности...

– Ганс Кремер писал, – начал он, – что его племянник Карл хочет открыть во Львове ювелирный магазин и просил своего старого друга Вайганга оказать ему в этом содействие. Он писал губернатору на «ты», что также свидетельствовало об их близких отношениях. Из письма явствовало, что Вайганг никогда раньше не встречался с Карлом Кремером. Это и натолкнуло Зарембу на мысль проникнуть в дом группенфюрера с помощью рекомендации. Но Карл Кремер должен был хотя бы приблизительно ориентироваться в делах семьи Кремеров. Заремба достал документы, и я под видом ювелира Германа Шпехта, друга Карла Кремера, выехал в Бреслау, чтобы собрать сведения о Гансе и Карле Кремерах. Без этого Вайганг мог сразу разоблачить меня.

– Когда вы приехали в Бреслау? – спросил Роговцев.

– В конце ноября.

– Точнее...

– Двадцать шестого.

– Минуту... – Генерал начал листать бумаги, лежащие в папке, а Кирилюк смотрел, как быстро бегают его пальцы, и видел и не видел Роговцева: вспомнил, как приехал в Бреслау, огромный серый немецкий город...

Он медленно шел по Фридрихштрассе. Вот и ювелирный магазин Ганса Кремера. Петро уверенно перешагнул через порог. Его встретил старый, с морщинистым лицом приказчик. Он смерил посетителя с головы до ног хитрым взглядом маленьких водянистых глаз и, не ответив прямо на вопрос можно ли увидеть хозяина, спросил:

– Господин желает что-нибудь у нас приобрести? Вызывать хозяина для этого необязательно.

– Ну а если я ничего покупать не собираюсь?

– Тем более незачем тревожить хозяина, – на бледных губах приказчика мелькнуло подобие улыбки. – Возможно, господин ошибся адресом?

– Не хотите ли вы сказать, что это уже не магазин господина Ганса Кремера, – надменно произнес Петро.

Его тон подействовал. Приказчик шепнул что-то стоявшей рядом с ним за прилавком девушке и шмыгнул в маленькую дверь. Минут пять никто не появлялся. Петро заметил, что портьера, прикрывавшая дверь, шевельнулась, будто кто-то подсматривал. Прошло еще несколько минут, явился приказчик и пригласил Кирилюка следовать за ним.

Они миновали узкий коридорчик, спустились по винтовой лестнице и остановились перед обитой железом дверью.

– Прошу, – сказал приказчик.

Петро открыл дверь, вошел в большую комнату с зарешеченными окнами и массивными сейфами, уставленную старинной темной мебелью. Из-за письменного стола на него смотрел седой худенький человечек с непроницаемым, бледным лицом. Не поднялся и на приветствие не ответил, всем своим видом показывая, что вести пустые разговоры у него нет ни времени, ни желания.

– У меня к вам письмо от вашего племянника Карла, – промолвил Петро, присаживаясь у стола.

К словам посетителя Ганс Кремер не проявил никакого интереса. Петро не спеша достал из бокового кармана конверт и протянул его Кремеру. Текст письма Петро знал наизусть. Над ним они с Богданом и Зарембой думали долго, отклоняя вариант за вариантом, покамест не остановились на этом – немногословном рекомендательном письме. Отпечатали его на машинке с латинским шрифтом. Подпись не отличить от подлинной – ее скопировал опытный гравер, тот, что приготовил Петру и документы, – не какую-то там обыкновенную «липу», а надежные, солидные документы, не хуже настоящих, как уверял гравер.

Ганс Кремер внимательно посмотрел на Кирилюка, сухо сказал:

– Я вас слушаю.

– Думаю, что вам интересно будет узнать о Карле от человека, который лишь вчера его видел...

– Вы так считаете?.. – перебил Кремер, но все же спросил затем: – Ну и как же идут у него дела?

– Не могу вас порадовать. Карл заболел воспалением легких и остался в Кракове...

Кирилюку показалось, что кто-то вдруг стал пилить дрова. Кремер смеялся с хрипом и дребезжанием; казалось, ржавая пила врезается в старое, расщепленное дерево.

– Хха-хха-хха... Шалопай всегда влипнет в историю... Хха-хха... Так я и знал... Не одно с ним, так другое... Почему он вдруг очутился в Кракове?

Этот вопрос был предусмотрен, и Петро без запинки ответил:

– Наш общий знакомый порекомендовал Карлу провести одну выгодную сделку, воспользовавшись моей помощью как ювелира. Все прошло вполне удачно, он уже собирался ехать дальше, как вдруг заболел...

– И тут же написал мне, – продолжил фразу Кремер, – рекомендуя вас как солидного человека и чуть ли не ближайшего своего друга.

Старик мгновенно преобразился. Сонные его глаза вдруг стали живыми и пронзительными. Петро понял, что первое его впечатление о Гансе Кремере ошибочное: перед ним не утомленный жизнью, с притупленными ощущениями, человек, а хитрый и энергичный делец, с которым не так-то просто.

Кремер продолжал:

– И с этим письмом вы являетесь ко мне, будучи уверены, что старого колпака удастся околпачить...

– Как можно, господин Кремер! Что вы?! – воскликнул Кирилюк. – Я полагал...

– Мне безразлично, что вы там полагали. А вот нам не мешало бы знать, что рекомендацию этого сопляка, к сожалению, моего племянника, я расцениваю как анекдот. Человеку, который пустил по ветру такое наследство, какое оставил ему отец, никто не будет доверять.

«Эге, вон в чем завыка!» – подумал Петро. Готовясь к встрече с Гансом Кремером, он предполагал все, что угодно, только не это. Надо перестраиваться, менять линию на ходу – старику все равно не удастся от него отделаться.

– Вот так, молодой человек. – Ганс Кремер заглянул в ящик стола, куда положил рекомендательное письмо: – Если не ошибаюсь, господин... Герман Шпехт. Благодарю за то, что вы передали привет и письмо от племянника, и на этом, простите...

Он приподнялся, давая понять, что аудиенция окончена.

– Еще минуту, господин Кремер, – жестко сказал Петро, отчетливо ощутив себя Германом Шпехтом. Уголки губ опустились, лицо приобрело упрямое выражение. – Я пришел к вам вовсе не затем, чтобы обсуждать характер вашего племянника и его поведение. Меня привело сюда дело. Мне, как ювелиру, хотелось бы...

– Ювелиру?.. – сжал губы Кремер. – Шантаж я не люблю и в любой момент могу вызвать полицию. Я знаю всех солидных ювелиров Германии, но Германа Шпехта среди них что-то не припомню.

– Как видите – он существует, – весело сказал Петро, решив идти напролом. – Существует, хотите вы того или нет, и надеется всегда процветать!

– А при чем здесь я? – неприязненно спросил старик.

– О! Весьма и весьма! Я решил установить с вами деловые контакты, – ответил Петро. – Вы, господин Кремер, меня устраиваете. Точнее говоря, не столько вы, сколько репутация вашей фирмы.

Кремер сжал руками подлокотники кресла. Лицо его налилось кровью. Раскрытым ртом он хватал воздух, испепеляя взглядом посетителя. Потом овладел собой и процедил сквозь зубы:

– Или вы идиот, или начинающий жулик. Ступайте, я не стану вызывать полицию...

Петро молча вытащил из кармана маленькую коробочку и раскрыл ее под самым носом у Кремера.

Удар был рассчитан точно. Ювелир даже зажмурился как от яркого света. Схватил коробочку длинными бескровными пальцами, уткнулся в нее и чуть ли не стал обнюхивать содержимое. Не глядя, нащупал в ящичке лупу и долго разглядывал поблескивавший на черном бархате прозрачный камешек.

– Уберите и никому не показывайте, – сухо сказал. – Краденое никогда меня не интересовало...

«О-о!» – подумал Петро с опаской. – А ты более чем стреляный воробей!»

Не спеша спрятал коробочку, пожал плечами и поднялся.

– Я надеялся, что мы найдем общий язык, господин Кремер, – произнес с достоинством Петро. – Не получилось. Ну что же... Мое почтение! – вежливо раскланялся и направился к двери, почти не сомневаясь, что ювелир сейчас его остановит.

– Одну минуту, господин Шпехт, – услышал Петро, когда взялся за ручку двери. – А чем вы можете доказать, что бриллиант – ваша собственность?

Петро подавил невольную улыбку: ход он сделал правильный. Возмутись он, начини доказывать – проиграл бы. Бриллианта старик все равно не выпустит. Инициатива теперь перешла к Герману Шпехту.

– Этот бриллиант – пустяки, господин Кремер! – небрежно произнес Петро, возвращаясь. – Наша фирма обладает значительно большими возможностями... – Положив на стол перед ювелиром удостоверение сотрудника СД, он нарочито вздохнул: – Сожалею, что вы несколько предвзято относитесь к нашим предложениям.

Кремер мельком взглянул на удостоверение и отодвинул его.

– Следовало начать с этого. Мы не потеряли бы зря столько времени, уважаемый господин Шпехт.

Петро положил документ в портфель.

– Об этом как-то сразу не подумал. Ведь я прежде всего коммерсант.

– Ну да, ну да, – растянул длинное лицо в улыбке Кремер, но глаза оставались холодными и сверлили Шпехта. – Всегда рад иметь дело с деловыми людьми. Итак, вы хотите продать камень?

– Вы правы. – Коробочка снова переключалась из кармана Петра на стол.

Кремер тщательно взвесил бриллиант. Капнул на него кислотой. Громко причмокнул губами и размеренно сказал:

– Его цена – сорок тысяч марок. Могу предложить наличными тридцать пять.

«Эге! Это, значит, примерно половина того, сколько он стоит», – прикинул Петро и скучным голосом сказал:

– Только что вы сами сказали, что предпочитаете иметь дело с деловыми людьми. За кого вы меня принимаете?

– А сколько бы вы хотели? – спросил старик.

– Камень стоит не менее восьмидесяти тысяч, коллега. Семьдесят пять мне заплатят в любой момент.

Ювелир вздохнул.

– Да, цену ему вы знаете, – сказал с уважением. – Но надо помнить, что сейчас война... и люди хотят покупать колбасу, а не бриллианты.

– Разница между умным человеком и ограниченным, – поднял палец Петро, – в том и состоит, что умный знает, когда покупать бриллианты, а когда колбасу. Лучше всех это должны знать мы, немцы, уже пережившие одну послевоенную инфляцию. Вы знаете лучше меня, господин Кремер, сколько выиграли те, кто вложил деньги в драгоценности.

– Сейчас не те времена, совсем не те времена! Наша доблестная армия одерживает победы за победой, и мы...

– Простите, – прервал хозяина Петро, – учитывая все, что вы изволили сказать, а также то, что это наша первая сделка, я согласен на семьдесят тысяч и лишь треть – в валюте. Предпочтительно фунты и доллары.

Кремер скрипуче засмеялся.

– Фунты и доллары!.. Ха-ха... Валюта... Где же вы ее возьмете сейчас?

– Хорошо, валютой двадцать пять процентов, – твердо сказал Петро. – Это – последнее слово!

Ювелир забежал по кабинету. Потом вдруг сел на стул напротив гостя, уставился на него неподвижным взглядом бесцветных, белесых глаз.

– Ладно... Будет по-вашему... Согласен, поскольку это наша первая операция...

– Первая или последняя, – ответил Петро, – это не имеет значения! Я не позволю никому ущемлять мои интересы. Ни возраст партнера, ни авторитет фирмы на мои решения влияния не оказывают.

– А вы, молодой человек, начинаете мне нравиться, – осклабился Кремер. – Деловая хватка у вас, настоящая.

– Немецкая, – уточнил Петро.

– Верно!.. – кивнул ювелир и продолжил торжественным тоном: – Сейчас мы вступили в очень ответственный для немецкого народа период, господин Шпехт. Победное наступление наших войск вызвало некоторое перемещение ценностей с востока на запад... Но поток этих ценностей, к сожалению, подобен жалкому ручейку. Отчасти в этом повинна наша администрация, которая, я бы сказал, весьма примитивно регламентирует деловую инициативу. В результате значительная часть ценностей оседает на месте. – Кремер на миг остановился, затем многозначительно произнес: – Долг каждого настоящего немца-патриота – приложить все усилия, чтобы помочь нашей державе в деле максимального перемещения ценностей и тем самым укреплять мощь великой Германии!

«Вон ведь какую идейную базу подвел! – подумал Петро. – Вот что значит хищник! Великолепно знает, негодяй, откуда берется это золото!..»

– Нельзя не согласиться с вашей оценкой, – воспользовался Петро секундной паузой, – временных э-э... неполадок в операциях с драгоценностями. Многие наши чиновники, к сожалению, не понимают той простой истины, что карман немецкого коммерсанта в то же время и карман государства.

– О-о! Великолепно сказано! – Кремер одобрительно кивнул.

– Вот это я и хотел отметить, прежде чем условиться о продаже некоторых драгоценностей. Как мне представляется, мелким чиновникам незачем вникать в характер наших с вами сделок...

Ювелир совсем преобразился – теперь он походил на легавую, которая почуяла запах дичи и сделала стойку. Кремер потер руки и елейным тоном сказал:

– Золото, изъятые на востоке, там, на месте, стоят значительно дешевле. Хотелось бы рассчитывать, что вы не станете требовать за него от старого и бедного ювелира слишком много? К тому же полная тайна наших сделок...

«Ну и сквалыга!» – подумал Петро. Ему порядком надоел этот разговор. Но останавливаться на полпути нельзя – старый пройдоха еще очень нужен, да и нельзя оставлять ему ни малейших зацепок.

– Меня в конце концов вовсе не беспокоит, будете ли вы афишировать наши сделки или нет. Хотя, конечно, это в какой-то степени может повлиять на их дальнейшее развитие. До сих пор меня всегда уверяли: такого рода делам реклама только вредит.

– Хха-хха... – проскрипел ювелир. – Великолепно! Вас, молодой человек, понимаю. Итак, к делу. Мы достигнем полного согласия, если моя фирма от оптовой цены получит тридцать процентов скидки.

– Пятнадцать процентов принесут вам много, даже слишком много, господин Кремер. Ну а если вспомнить ваши слова о том, что каждый немец-патриот...

– Двадцать... пять... – проскрипел ювелир.

– Двадцать – это предел возможного!

– Ладно. – Кремер поднялся, обежал вокруг стола и снова опустился в кресло. – Конечно, при том условии, что товар нас вполне удовлетворит.

– Никто не собирается навязывать вам то, что не будет устраивать фирму.

– Когда вы можете показать товар?

– Если пожелаете, то сейчас, – Петро слегка похлопал по небольшому кожаному чемоданчику.

– Что?! – вскочил ювелир. – В такое тревожное время и вы носите драгоценности прямо так, с собой?..

– Именно поэтому, – улыбнулся Петро, вынимая из чемоданчика шкатулку. К ней жадно потянулись руки старика. – Вас удивить трудно, но кое-что здесь найдется...

Кремер открыл крышку шкатулки и замер, рассматривая драгоценности. Заремба щедро снабдил ими Кирилюка: партизанам удалось перехватить немецкий конвой, который вез во

Львов награбленные эсэсовцами ценности. Когда наконец Ганс Кремер смог оторваться от шка-
тулки, то с уважением посмотрел на гостя и сказал:

– Вы, молодой человек, воистину явились сюда, как из волшебной сказки!

– О, из детского возраста я уже вышел и сказками давно не увлекаюсь, – снова улыбнулся

Петро. – Меня интересуют реальные деньги!

– Оптом? – спросил Кремер.

Петро кивнул.

Минуло не менее трех часов, пока они достигли согласия. Оба остались довольны заклю-
ченной сделкой. Петро был рад потому, что выручил он значительно больше, чем рассчитывал
Заремба; Кремера же вполне устраивало то, что он так выгодно вложил деньги: что ни говори,
а золото всегда остается золотом!..

– Я надеюсь, – прищурился, как сытый кот, ювелир, – вы примите во внимание, что
фирма немедленно рассчитаться не сможет. Сейчас во всем городе не найти коммерсанта,
который располагал бы достаточной для оплаты всего этого суммой наличных денег. Я пред-
лагаю треть наличными, а остальное гарантированными векселями.

– Господин Кремер, – твердо сказал Петро, – я деловой человек, и для предстоящих
операций мне нужны деньги. Простите, но в тех кругах, с которыми я имею дело, ваши векселя
расцениваются не больше, чем мыльный пузырь. – Старик принял обиженный вид, но Петро
не обратил на это внимания и продолжал в том же тоне: – Да, мыльный пузырь... Напоминаю
и об условии, что двадцать процентов – валютой.

– Боже! Этот человек пустит меня по миру, – схватился за голову ювелир. – Но слово
есть слово, хотя вам и придется немного подождать. Такие деньги в ящике письменного стола
не хранятся.

– Сколько времени вам потребуется для полного расчета?

– Примерно неделя. – Заметив, что клиент недовольно поморщился, закивал сочув-
ственно головой: – Да-да!.. Я вас понимаю: столько дней в чужом городе... в номере гости-
ницы... без дел, без друзей... Впрочем, вот что, – он немного помолчал думая. – Не лучше ли
вам на это время поселиться у меня? Во всем доме нас трое – я, моя дочь Лотта и экономка.
Надеюсь, что ваше общество понравится Лотте...

Петро даже пристыл к стулу – он никак не мог рассчитывать на такое везение. Но и
соглашаться сразу было рискованно.

Его молчание Кремер понял по-своему: колеблется, значит, опасается связывать руки,
наверно, хочет позондировать почву у других ювелиров. Ну нет, не такой он, Кремер, простака,
чтобы упустить драгоценности! Старик нажал на кнопку звонка и, когда появился приказчик,
распорядился:

– Вызовите машину и позвоните фрау Лотте, что я еду домой с гостем. За вашим багажом
заедет шофер, – обратился он к Петру так, словно все это они давно решили.

Петро поднялся и вежливо склонил голову.

– Я не хотел бы обременять вас, но, – развел руками, – по-видимому, мне ничего не
остается, как с благодарностью принять ваше любезное приглашение.

– Едем, – потянулся Кремер за старомодным черным котелком. – Сегодня я хочу немного
развлечься в семейном кругу...

– Ну что ж, – прервал его воспоминания Роговцев, похлопав ладонью по бумагам, – тут
достаточно подробно изложено, как вы познакомились с Гансом Кремером и что сумели узнать
у него и его дочери. А как вам по возвращении во Львов удалось попасть на прием к Вайгангу?

– Это было не очень легко, но все же я сумел встретиться с личным секретарем губер-
натора.

Кирилюк рассказывал и мысленно представлял и секретаря губернатора, и самого Вайганга, как будто это было не два года назад, а лишь вчера – помнил все до деталей, даже цвет обивки стула, на котором сидел в приемной группенфюрера.

...Секретарь Вайганга, высокий, рыжий, похожий на восклицательный знак, человек с красными веками выслушал его, внимательно ощупал быстрыми глазами. С минуту подумал и, когда Петро хотел уже нарушить паузу, спросил:

– Письмо с вами?

– Да.

Секретарь протянул руку.

– Прошу...

– Оно адресовано лично господину фон Вайгангу...

Секретарь нахмурился, едва пошевелил тонкими губами:

– Мы теряем напрасно время, господин Кремер. Я передам письмо губернатору, и он сам решит, принимать вас или нет.

Через несколько минут секретарь вернулся. Уже один его вид говорил о многом – рекомендация ювелира стоит здесь немало. Секретарь приветливо улыбался и заговорил совсем другим тоном:

– Присядьте и подождите, пожалуйста, господин Кремер. Вот вам свежие газеты и журналы. Губернатор скоро вас примет...

Петро уткнулся в газету невидящим взглядом. Так никогда в жизни он не волновался. Правда, губернатор – это точно известно – никогда с племянником Ганса Кремера не встречался, что же касается подробностей жизни ювелира, ими он запасался предостаточно. А если окажется, что чего-то Карл не знает, то ведь он был не в столь уж близких отношениях с Гансом Кремером и его семьей.

Наконец секретарь исчез за массивной дверью. Появившись, почтительно раскрыл ее.

– Господин губернатор вас ждет.

Длинный, светлый кабинет. Размеры его огромные. Стол в противоположном его конце кажется маленьким; сидящий за ним человек тоже кажется небольшим. Только подойдя ближе, Петро понял, что обманулся: за большим дубовым столом сидел высокий человек, плечистый, коротко подстриженный. Протянув через стол руку, приветливо сказал:

– Рад видеть племянника моего друга и бывшего коллеги. Вы давно видели дядю?

«Проверяет, – подумал Кирилюк, – в конце письма обозначена дата».

– Скоро месяц, как мы расстались.

– Вам так долго пришлось добираться из Бреслау?

– Немного не повезло: простудился в Кракове и чуть ли не месяц провалялся с воспалением легких, – объяснил Петро.

Губернатор помолчал, отбивая карандашом по столу в такт каким-то своим мыслям.

– А как поживает уважаемый Ганс?

– Он провел за последнее время несколько удачных операций. Что же касается здоровья, то дядюшка пока что на него не жалуется – поскрипывает.

– «Поскрипывает»?! – Уголки губ губернатора растянулись. Это, по-видимому, означало улыбку.

– Скрипит в прямом и переносном смысле, – позволил себе пошутить Петро.

Шутка была встречена благосклонно.

– У нашего Ганса даже в молодые годы голос был скрипучий, – промолвил Вайганг, полуприкрыв глаза. – А он по-прежнему собирает эти, как их?.. Ну?.. – он нетерпеливо пощелкал пальцами, как бы ожидая подсказки.

– Вы, наверно, имеете в виду страсть дяди коллекционировать ковры?

– Ха-ха-ха... Удивительная страсть...

Так как было очевидно, что губернатор собирается прощупывать его и дальше, Кирилюк решил пойти ему навстречу.

– В той комнате, в которой вы жили, когда гостили у дяди перед войной, те же самые ковры. И в окно заглядывает та же самая старая груша... – сказал он, улыбаясь.

– Тогда со мной гостил у Ганса, кажется, и ваш отец? – будто мимоходом бросил Вайганг.

– Мой отец? Вероятно... – Петро вовремя спохватился. – Вероятно, вы встречали тогда у дяди кого-нибудь другого? Моего отца уже не было в то время в живых.

Лицо Вайганга разгладилось.

– Да-да, он ведь умер в тридцать четвертом?

– В тридцать шестом, – поправил Кирилюк.

– Как бежит время! Я уже и не помню многое... – Карандаш отбивал такт марша, и Петро чувствовал: прекрасно все помнит и лишь делает вид, что забыл. – Как было бы интересно повидаться сейчас с Гансом. Постарел, наверное?

– Месяц тому назад он выглядел вот так, – Кирилюк вынул из кармана фотографию и подал ее губернатору.

Фотография была одним из его главных козырей: на фоне кремеровского особняка он снят вместе с Гансом Кремером и Лоттой. Когда Вайганг поднял взгляд от снимка, Петро понял: каверзных вопросов больше не будет – губернатор благодушно усмехнулся.

– Как повзрослела эта девушка! Я помню ее еще совсем маленькой.

– У нее большое несчастье, – проникновенно произнес Петро. – Муж Лотты – Теодор Геллерт...

– Мне это печальное событие известно. Геллерт мог бы стать гордостью Германии. Как переносит горе ваша кузина?

– Такие раны заживает только время...

– Лотта всегда проявляла сильный характер, – кивнул Вайганг. – Лотта – настоящая арийка!

Кирилюк заметил, что губернатор смотрит как бы сквозь него, уйдя в какие-то приятные воспоминания. Возможно, он вспоминает, как рыбачил вместе с Гансом, которого (если старый Кремер не преувеличивал) буквально боготворил.

Петро подумал, что эта лирическая минута, наверно, будет ему на пользу. Он оказался прав.

– Что бы я мог сделать для вас? – нарушил несколько затянувшуюся паузу губернатор.

– Мне хотелось бы начать здесь собственное дело, – сказал Петро деловым тоном. – Потом оно могло бы превратиться в филиал фирмы «Ганс Кремер».

– А в перспективе – «Ганс и Карл Кремеры», – покровительственно улыбнулся Вайганг.

– Именно так, господин губернатор. Скрывать не стану – такая перспектива меня вдохновляет.

– В общем, мысль правильная. Кто-то должен продолжать дело Ганса, Итак, с чего вы предполагаете начать?

– Если вы одобрите, я хотел бы открыть в городе ювелирный магазин. Кое-какие товары и оборотные средства на первое время у меня есть. Дальнейшее зависит от того, как пойдут дела. – И, склонив голову, как бы заранее благодаря Вайганга, Петро добавил: – Конечно, на прямую поддержку такой высокой особы, как губернатор дистрикта, я не могу рассчитывать, но сказанное вами доброе слово будет иметь для меня огромное значение.

Вайганг благосклонно отнесся к этому и несколько напыщенно изрек:

– Немецкие власти заинтересованы в обновлении коммерческой деятельности в восточных районах. Ваша инициатива, мой молодой друг, заслуживает поощрения. Ваша деятельность будет способствовать укреплению великой Германии, и мы вас поддержим. Зайдите

завтра к моему секретарю. Он получит надлежащие инструкции относительно вашего предложения.

Петро поклонился и, полагая, что аудиенция окончена, поднялся. Но Вайганг остановил его движением руки.

– Где вы остановились?

Петро оценил это проявление исключительного внимания со стороны всесильного губернатора.

– В гостинице пока что.

– Если вы серьезно будете обосновываться здесь, – посоветовал Вайганг, – начните с приличной квартиры. – Немного подумал и добавил: – Я хотел бы, чтобы племянник моего старого друга бывал бы у меня. Это, – величественно добавил он, – будет для вас наилучшей рекомендацией. Мой секретарь вас известит о приемных днях.

Петро снова откланялся. Пока шел к двери, почти физически ощущал взгляд губернатора, смотревшего ему вслед. И он ступал медленно, хотя его подмывало подпрыгнуть от радости. Так же медленно вышел на улицу, миновал сквер, покрытый желтой осенней листвой, и только после этого облегченно вздохнул...

Кирилук и сейчас невольно вздохнул, окончив рассказ о своей первой встрече с Вайгангом. Поймал взгляд генерала – внимательный и сочувственный: видно, Роговцев понял, что пережил за те минуты Петро – ведь мальчишка: сейчас ему двадцать два, а было двадцать... Сын у Роговцева старше, а генерал и до сих пор считает его зеленым юнцом. Роговцев поморщился, и Кирилук насторожился, – неужели он допустил какой-то промах? – но генерал дружески улыбнулся ему.

– Со временем вы стали своим человеком у Вайганга, не так ли? – уточнил.

– Фрау Ирма, жена губернатора, чем дальше, тем больше симпатизировала мне. Может, потому, что я снабжал ее драгоценностями?

Роговцев удовлетворенно хмыкнул и сказал:

– Сейчас Вайганг получил от Гимmlера, судя по всему, особо важное поручение. Что позволяет сделать такой вывод? По сообщению наших агентов, резиденция группенфюрера напоминает не обычный особняк высокопоставленного гитлеровского чиновника, а какое-то засекреченное учреждение. Кроме того, усиленная эсэсовская охрана, очень частые визиты офицеров СС и сотрудников СД, постоянные контакты с засекреченными научными институтами и солидными фирмами, которые производят оружие. Все это о многом говорит. К сожалению, нам никак не удастся найти даже ниточки, ведущей в эту виллу. Вы уже, наверное, поняли, к чему я клоню?..

Кирилук посмотрел прямо в глаза генералу.

– Я готов, – только и произнес.

Левицкий даже позы не изменил.

– Мне кажется. Александр Яковлевич, – начал он, – хотя мы и продумали, по нашему мнению, все, стоит еще раз проанализировать обстоятельства, при которых Кирилук бросил свой ювелирный магазин и ушел в партизанский отряд...

– Говорите, говорите, я слушаю, – кивнул головой генерал, перелистывая бумаги в папке.

– Когда гестапо раскрыло тайник, которым пользовались подпольщики для связи с Кирилук, они могли пронюхать и то, кем являлся на самом деле Карл Кремер...

Генерал нашел, что искал, и подал Левицкому несколько бумаг:

– Ознакомьтесь, Иван Алексеевич!

Подполковник читал, держа листки в вытянутой руке, обнаруживая свою дальновзоркость.

– О-о!.. – произнес он почти торжественно. – Это в корне меняет дело.

– Ознакомьте старшего лейтенанта, – приказал Роговцев. – Эти бумаги нашли в канцелярии шефа Львовского гестапо штандартенфюрера СС Отто Менцеля. Мне их передали совсем недавно.

Левицкий пододвинул листки к Петру. Это была докладная тайного агента гестапо Модеста Сливинского, по кличке Референт, о том, как он обнаружил партизанский тайник. Здесь же были протоколы допроса арестованного Евгения Степановича Зарембы. Правда, протоколами их можно было назвать лишь условно, поскольку все вопросы оставались без ответа.

Просматривая документы, Петро представил себе грязную, забрызганную кровью коммуну и бородача, которого мучают эсэсовцы. Губы Кирилюка дрогнули, пальцы сжали бумагу. Генерал понимающе переглянулся с Левицким. Петро не заметил их взглядов. Он уже овладел собой и принялся за докладную Сливинского.

Гестаповский агент подробно описывал, как он заподозрил девушку, которая часто заходила в парадное на улице Ратушной, в результате чего обнаружил там тайник. Сообщал приметы девушки, и Петро отметил про себя: агент не лишен наблюдательности – даже походка и привычка Катруси размахивать правой рукой были подмечены на редкость точно. Однако из самой докладной и по заметкам на ней Кирилюк понял: гестапо потеряло след девушки и схватило только Евгения Степановича.

– Все ясно? – спросил генерал и, не ожидая ответа, продолжал: – Подытожим. Гестапо не знало ни фамилии, ни места работы, ни адреса Катри Стефанишной. Только приметы. Итак, с этой стороны позиция Карла Кремера безупречна, но его отъезд был преждевременным.

Петро заерзал на стуле. Роговцев взглянул на него:

– Я говорю «преждевременным», оценивая ситуацию с точки зрения сегодняшнего дня, и ни в чем не укоряю вас. Тогда ваше решение было правильным. Правда, теперь оно создает дополнительные трудности: имею в виду внезапное исчезновение Карла Кремера из Львова. Здесь наше уязвимое место...

– К тому времени почти все немецкие коммерсанты уже выехали на родину, – возразил Кирилюк.

– Но перед отъездом вы могли хотя бы попрощаться с губернатором. По крайней мере с его женой. Кажется, она хорошо относилась к вам?

– Да.

– Придется разработать мотивированную версию, – вклинился в разговор подполковник.

– Рассчитываю на вас, Иван Алексеевич, но напомним, времени у нас нет. – Генерал отодвинулся от стола, достал из сейфа карту. Разложил ее на столе. – Вот здесь, недалеко от Дрездена, расположен подземный завод синтетического горючего. Один из крупнейших... Этот завод – тоже ваше задание, Кирилюк, но попутное. Там есть наши люди, однако они никак не могут пока проникнуть на завод. Если у вас появится малейшая возможность – а это вполне вероятно в среде Вайганга, – вы поможете им. Любые сведения важны: система охраны завода, подходы к нему, транспортные артерии. Только в случае передачи важнейших сведений – запасная явка. Во всех остальных – связь устанавливать с вами будем мы.

Но, как я уже сказал, – это попутное задание. Основное – Вайганг! Здесь мы вас не ограничиваем временем. Действуйте по собственному разумению. Кстати, ваш старый знакомый Рудольф Рехан, завербованный вами во Львове, продолжает выполнять обязанности адъютанта группенфюрера. Думаю, через него вы сможете получить кое-какие сведения о том, что произошло за время вашего отсутствия. Платите ему щедро, но будьте осторожны: Рехан всегда может подставить ножку.

Роговцев аккуратно сложил карту. Поднялся.

Подполковник и Петро тоже встали.

– Разрешите идти, товарищ генерал?

Роговцев перегнулся через стол и пожал руки Левицкому и Кирилюку.

– Идите. Только прошу вас, Иван Алексеевич, – произнес на прощание, – не сочтите мое пожелание о сокращении срока за приказ. Надо все хорошо продумать и проверить. Впрочем, я полагаюсь на вас. О ходе подготовки прошу докладывать каждый вечер...

...Глядя на старательно обработанные поля вдоль автостреды, на побеленные и разрисованные километровые столбы, красные черепичные крыши селений, видневшиеся из-за деревьев, Петро вдруг осознал – этот разговор с генералом Роговцевым представляется ему давним-предавшим, словно состоялся он не в прошлом месяце, а неизвестно когда – может и полгода назад.

Воистину непостижимы законы восприятия времени человеком. Иногда через многие годы какой-нибудь разговор или встреча продолжают стоять перед глазами, как вчерашние, а состоявшаяся час назад беседа успела уже выветриться из памяти. Кирилюк отчетливо помнил каждую деталь встречи в кабинете генерала, мог воспроизвести даже интонации Роговцева. Но странное ощущение того, что это произошло бог знает когда, не оставляло его. Может, потому, что все время перед глазами стояло последнее свидание с Катрусей.

Левицкий отпустил его лишь на два часа, и случилось так, что Петро не смог своевременно предупредить Катрусю. Он позвонил в госпиталь, но там ответили: доктор Стефанишина сегодня не работает. Кирилюк стал поспешно набирать номер телефона общежития. Неужели не удастся повидаться? И, только услышав голос Катруси, немного успокоился.

По-видимому, девушке передалось волнение Петра – позволила приехать к себе. Она жила в комнате с пожилой женщиной-врачом и, оберегая ее покой, никогда не приглашала Петра в общежитие. Правда, предупредила, что сейчас занимается уборкой – пусть не удивляется и извинит ее. Но он уже не слушал. Сбежал, перепрыгивая через ступеньки, вниз на улицу, где его ждала вызванная подполковником «эмка», и четверть часа спустя, также перепрыгивая через ступеньки, поднимался на четвертый этаж общежития.

На его осторожный стук никто не ответил. Петро тихонько потянул на себя дверь.

Катруся стояла на подоконнике и вешала занавески. Поднялась на цыпочки, стараясь дотянуться до высоко забитого гвоздя. Во всей ее фигуре было столько грации, что Петро застыл, боясь шевельнуться, чтобы не испугать девушку.

Косые лучи осеннего солнца заглядывали в комнату, поблескивали на стекле, и силуэт Катруси четко очерчивался в окопном проеме. Эта секунда показалась Петру долгой-долгой, словно девушка окаменела на цыпочках: худенькая, с крутым абрисом груди.

Катруся прицепила наконец занавеску. Оглянулась. Увидела Петра, бросила второй конец занавески и прыгнула на пол.

Кирилюк продолжал стоять, опираясь о косяк двери.

– Прикрой дверь! Продует же...

Даже эти, вполне реальные, слова не вывели его из оцепенения. Машинально закрыл дверь, обнял взглядом Катрусю. Никогда еще не была она так близка и желанна.

– У тебя что-то случилось?.. – начала девушка, но, заглянув Петру в глаза, все поняла. Подошла, положила обе ладони ему на грудь, прижалась к ним щекой. – Уже?

– Да, – наклонился к девушке Петро.

– Когда?

– Очевидно, завтра.

Катруся больше ни о чем не спрашивала. Знала – рано или поздно они разлучатся. Может, надолго. А может, навсегда. Она не тешила себя иллюзиями, однако этот день казался далеким и нереальным. И вот – наступил...

– Я вернусь, Катруся, – как можно бодрее произнес Петро.

– Конечно, вернешься, – оторвалась от него Катруся, стараясь выглядеть веселой. Петро понимал, чего стоит ей эта показная бодрость, и снова нежно обнял девушку.

– Ждать меня будешь?

Катруся ничего не ответила, только посмотрела с укором. Горячей ладонью гладила его щеку, потом потрогала пальцами губы, подбородок, будто не верила, что это действительно он, и эти морщинки возле губ – его, и прямые густые брови, и крутой подбородок – его... Боялась: отнимет руку – и Петра не станет. Но разве может такое быть? Как же нескладно все устроено в мире!

Петро знал: через полтора часа он должен будет уйти. Полтора часа – до смешного мало...

Почему-то Петру стало жаль себя. Впервые за все время пожалел, что приходится так быстро уезжать. Почему именно завтра, а не через неделю или месяц? Он невольно подумал об этом. Понимал: мелкая эта мыслишка, но не мог избавиться от нее. Это сердило его, нарушало душевное равновесие, не давало возможности сосредоточиться и сказать Катрусе все, что хотелось сказать.

Девушка поняла его, вернее, почувствовала что-то и сказала вдруг:

– Не волнуйся, милый, все будет хорошо...

Эти простые слова сразу развеяли все сомнения Петра. Да, он просто волнуется, он не может не волноваться – это естественно и до глупости просто. Ему больно расставаться с Катрусей, и он еще не знает, как это сделать...

...Карл Кремер потер подбородок пальцами, обтянутыми тонкой лайкой. Теперь уже все позади. Далеко-далеко. Лучше оставить мысли о Катрусе. Сейчас он не может позволить себе даже такой малости. Мысли его, как и он сам, должны быть «солидными» и «степенными».

Петро вспомнил слова Левицкого, сказанные на прощание:

– Неосторожное движение, слово, мимика – все может выдать тебя. Все будет зависеть от того, насколько ты влезешь в шкуру Кремера. Раньше рядом были друзья-подпольщики, Катря – все-таки легче. Теперь же ты будешь один – Кремер и только Кремер. Даже сны тебе должны будут сниться, – улыбнулся Левицкий, – «коммерческие». Всякие там векселя, банковские операции...

Милый Иван Алексеевич! Я все помню... Но вы так и не знаете, о чем я подумал, расставаясь с Катрусей. Она помогла мне тогда. Своей душевностью, своей верой в меня.

Теперь я спокоен и внимательно слежу за дорогой, а мыслями там – за тысячи километров отсюда. Никогда не забыть мне прощальный взгляд Катруси... Но не волнуйтесь, Иван Алексеевич, это не помешает мне; вспомните, ведь и вы любили когда-то...

И хотя я не смогу до конца выполнить ваших пожеланий, «коммерческие» сны не будут мне сниться, но я буду осторожным и смелым, расчетливым и настойчивым. Я не отступлю ни на шаг и при необходимости пойду на любой риск, иначе я не смогу возвратиться к Катрусе с фальшивинкой в душе. И сколько потребуется – я буду носить личину Кремера, считать марки, торговать бриллиантами, улыбаться фрау Ирме и поддакивать Вайгангу. Я буду делать все...

«Все ли? – подумал Петро. – Обманывать, быть жестоким, коварным? Может, не хватит духа?..»

Карл Кремер снял шляпу, вытер вспотевший лоб платочком, улыбнулся самодовольно. Лицемерие, коварство, хитрость – без этого любой коммерсант обанкротится через месяц. И кто станет уважать Карла Кремера, если он не окажется хитрым, ловким?!

Шоссе извивалось между лугами, чувствовалась близость реки. «Скоро город», – решил Карл. Действительно, за поворотом открылась панорама Дрездена. Кремер никогда не бывал здесь, но ему показывали несколько фильмов, сам он просматривал многочисленные фотографии города, поэтому и узнал его сразу. Над домами возвышался старинный королевский замок, а дальше – неповторимые контуры дворца Цвингер...

Автобус спустился с пригорка – дворец скрылся за домами; въехали в пригород.

Заметив будку телефона-автомата, Кремер попросил кондуктора остановить машину. Сверился с записью в блокноте и, не торопясь, набрал номер. Ответили сразу.

– Позовите господина Рудольфа Рехана! – произнес тоном приказа.

* * *

Возле входа в пивную, обняв столб фонаря, стоял здоровенный эсэсовец. Он посмотрел на Ульмана пустыми, осоловелыми глазами, сплюнул и вдруг предложил:

– Д-давай выпьем... Я сегодня д-добрый и угощаю...

Но сразу же забыл про Ульмана, погрозил кулаком фонарю:

– Д-долго т-ты еще будешь качаться, сволочь?..

Фридрих обошел эсэсовца и толкнул массивную дверь. В нос ударил тяжелый запах пива, крепкого табака и человеческого пота. Пышная официантка чуть не зацепила Ульмана подносом, заставленным высокими кружками, сердито взглянула на него, но, узнав, приветливо улыбнулась.

– Принеси мне пива, Лиза, – попросил Ульман и начал пробираться в уголок, к столику, занятому железнодорожниками.

– Ты слышал, Фридрих, о несчастном случае? – встретил его вопросом рыжий, длинный как жердь помощник диспетчера Петер Фогель.

Ульман пожал плечами.

– Неужели не слышал? – обрадовался тот. Видно, ему очень хотелось рассказать: он дернул себя за ус, отодвинул кружку и перегнулся через стол к Ульману: – В самом деле не знаешь? Утром погиб Рапке...

Ульман снял с подноса у Лизы кружку. Отпил половину и только тогда взглянул на Фогеля:

– Кто выдумал этот вздор?

– Но он же не врет, – сказал сосед Фогеля, – сегодня утром Рапке попал под поезд...

– Да ну?! – ужаснулся Ульман.

– Насмерть... – скороговоркой начал Фогель. – Я думаю, он не заметил вагонов... Утром такой туман был...

– Точно, утром в двух шагах ничего нельзя было разобрать, – подтвердил Ульман. – Когда я шел домой...

– Вот-вот... – перебил его Фогель. – Рапке, наверное, переходил колею, когда на него вагоны наехали. Бедняга и крикнуть не успел. Его зацепило буфером и бросило прямо под колеса...

– Ты рассказываешь так, будто стоял рядом. Откуда такие подробности?

– Все это теперь не имеет уже значения. – Машинист Клаус Мартке постучал кружкой по столу. – Лиза, пива!.. Рапке все равно не воскресить! – Ульману показалось, что Клаус как-то странно глянул на соседний столик, где дремал плохо одетый мужчина. – Жаль Рапке, хороший был товарищ и честный работник...

– Ты преувеличиваешь, Клаус, – начал было Ульман, но Мартке не дал ему договорить:

– Помолчи, Фридрих, дай мне закончить. Мы с Рапке долго работали вместе, и я сожалею, что он попал именно под мой поезд...

– Какое это имеет значение, Клаус? – Фогель отодвинул пустую кружку, позвал официантку. – Мы все слышали, что ты подавал сигналы. Твой эшелон растянулся метров на двести, а в этом проклятом тумане и за десять шагов ничего не было видно. Ты не виноват, даже тот, из гестапо, признал...

– При чем тут гестапо? – насторожился Ульман.

– А, да ты же ничего не знаешь! – обрадовался Фогель. Наклонился к Фридриху и зашептал: – Сперва приехал обычный следователь, составил акт, допросил свидетелей. Все как водится. А вечером прибыли двое в штатском. Снова допросы, осмотр места происшествия. Диспетчер сказал мне, что они из гестапо. Интересно, что им было нужно?

Ульман незаметно переглянулся с Мартке. Клаус высоко поднял брови, указывая на одинокую фигуру за столиком. Встал и пошел через зал в туалет. Фридрих двинулся за ним.

В туалете никого не было. Мартке начал мыть руки, став таким образом, чтобы наблюдать за дверью.

– Осторожно, Фридрих, – предупредил тихо, – тот, за столиком, по-моему, из гестапо. Присмотрись: куртка замасленная, как у нашего брата-железнодорожника, а вид сытый. Да и не встречал я его никогда раньше.

– Значит, зашевелились... – Ульман потянулся за полотенцем. Вытирал руки медленно. – Мы решили верно. Рапке стал агентом гестапо, и Штурмбергер погиб из-за него. Хорошо, что у старика Гейслера верный глаз, и он сразу разгадал, с кем встречался Рапке по вечерам. Теперь необходима особая осторожность. Штурмбергер намекнул Рапке, что на узле существует подпольная организация, и гестапо постарается распутать клубок. Предупреди товарищей: пока – никаких встреч. Возможно, гестаповцы знают больше, чем мы думаем.

– Ты не оставил следов? – Заметив удивление Ульмана, Мартке пояснил: – Ну, с этим Рапке...

– Все могут подтвердить, что я ушел домой за полчаса до того, как это случилось. Даже вахтер. А он наци...

– Собаке – собачья смерть! – Выходя, Мартке столкнулся в дверях с человеком в замасленной куртке. Агент притворялся пьяным, но глаза смотрели трезво. Ульман вешал полотенце и не видел, как гестаповец окинул его изучающим взглядом. Обернувшись, нарочно толкнул агента, вежливо извинился и направился в зал.

Пришел Курт Гейслер, тот самый рабочий, у которого был убит сын, и Фогель вцепился в него, рассказывая о смерти Рапке. Ульман незаметно перевел разговор на другое. Этот Петер Фогель – страшный болтун, нельзя поручиться, что он не выкинет какой-нибудь глупости. Тем более гестаповец снова «клюет» за соседним столиком.

– Только что я слышал по радио, – нарочно громко начал Ульман, – что наши войска в Польше контратакуют русских. Может, это начало нашего наступления?

– Столько жертв, столько жертв... – прошептал Гейслер. Он выпил шнапса, его изнуренное лицо покраснело, глаза слезились. – Мой сын тоже убит в Польше...

– Твой Генрих – герой! – воскликнул Фогель. – Он отдал жизнь в священной борьбе, и народ никогда не забудет его подвиг!

Мартке едва заметно улыбнулся.

– Да, мы никогда не забудем! – произнес громко, но закончил совсем тихо, чуть ли не шепотом: – И не простим!..

– Генрих награжден Железным крестом второй степени, – не успокаивался Фогель. – Юноши нашего поселка завидуют ему!

– Я никогда не увижу своего сына... – закрыл лицо руками Гейслер. – Моего маленького Генриха...

– Нельзя быть эгоистом, Курт, – поучительно произнес Фогель. – Смерть одного человека ничто по сравнению с высшими интересами общества.

«А сам дрожит за свою шкуру, как последний трус, – подумал Ульман. – Стал нацистом только затем, чтобы получить тепленькое местечко помощника диспетчера».

Разглагольствования Фогеля разозлили Ульмана, и он пошел к стойке, чтобы выпить рюмку шнапса. Давненько он не пил – не потому, что не было денег или не было случая, – просто сам себе запретил пить, заметив, что после лишней рюмки проговорился как-то. Правда,

компания была своя, другие высказывали более рискованные мысли, но они могли это себе позволить, а он – нет, потому что принадлежал не только себе и отвечал не только за себя. Кроме того, кто-кто, а Ульман лучше кого-либо знал, что не вовремя сказанное слово приводило иногда к таким последствиям, которые и предвидеть трудно. Гестапо – серьезный противник, и то, что старый немецкий коммунист Фридрих Ульман за столько лет не попал в ловушку, объясняется не только особенным отношением к нему коварной богини Фортуны...

Но сегодня он все-таки выпьет рюмку. Лишь одну и только для того, чтобы перестало наконец трясти. Хотя Рапке и был мерзавцем, но Фридрих никак не может забыть последнего его взгляда – большие, выпуклые глаза, полные смертельного ужаса, муки и ненависти...

Неприятно, жутко до сих пор, как вспомнишь, дрожат руки. Но у него не было иного выхода – под угрозу ставилась вся организация, и кому-то надо было рассчитаться с провокатором.

Ульман выпил шнапс и, опершись на стойку, принялся разглядывать зал.

В дальнем углу, составив два столика, пьянствовала компания эсэсовцев. Они горланили на всю пивную нацистские песни. Недалеко от эсэсовцев, возле стены, сидели двое в солдатских мундирах: один все время что-то растолковывал другому, а тот, совсем еще ребенок, покачивался и, казалось, не слушал товарища. Непрерывно хлопали входные двери. Одни пили пиво прямо возле, стойки, другие занимали столики и звали Лизу.

Агенту гестапо, очевидно, надоела болтовня Фогеля, и он тоже подошел к стойке, заказал шнапса. Нехотя курил, прислушиваясь, о чем говорят железнодорожники, которые только что вошли и рассказывали хозяину последние новости.

Гестаповец стоял рядом с Ульманом, и Фридрих имел возможность хорошо рассмотреть его. Сомнений не было – шпик. Замасленная и залатанная куртка так контрастировала со свежим, чисто выбритым лицом, что Ульман не смог сдержать улыбки.

Фридрих скрутил толстую папиросу и попросил у гестаповца прикурить. Тот подал ему коробок спичек. Так и есть. Свой бы попросту – дал прикурить от сигареты. Да и руки эти никогда не знали мозолей.

Фридрих глубоко затянулся, пустил дым под потолок. Положение действительно комичное. Он прикуривает у агента, а тот и не подозревает, что оказал услугу человеку, за поимку которого получил бы большую награду.

Только несколько рабочих на узле знают, кто такой на самом деле Фридрих Ульман. Этого до конца не знает даже его сын Горст, а Горст – член нелегального коммунистического союза молодежи Германии. Бедный парень. Фридрих видит, как тяжело приходится сыну: мало, совсем мало молодежи разделяет его взгляды. Что поделаешь, с самых пеленок в юные головы вбиваются всяческие глупости...

Незаметно для самого себя Ульман вздохнул: больше всего волновало то, что у некоторых потомственных пролетариев, его товарищей и друзей, росли дети, одурманенные нацистской пропагандой. А что можно сделать, когда приходится рассчитывать каждый шаг, а у фашистов – гитлерюгенд, в школе учителя вдалбливают юношам и девушкам, что только Гитлер возродит рейх, что они обязаны быть солдатами этого рейха, мужественными и преданными, что пожертвовать жизнью для фюрера – самое большое счастье. В школах поют «Вперед, легионеры!», в кинотеатрах идут военные боевики, молодежь марширует в колоннах, вооруженная ножами и кинжалами...

Каких невероятных усилий стоило Ульману уберечь сына от всего этого безумства! Он вынужден был посылать его в школу, ведь должен же он в конце концов где-то изучать алгебру и физику, но каждый вечер беседовал с Горстом, рассказывал про Ленина и Тельмана, про настоящих коммунистов – своих друзей.

Местные наци косо смотрели на старого Фридриха, его вызывал даже ортсгруппенляйтнер² и допытывался, почему Горст не член гитлерюгенда. Чтобы тот ничего не заподозрил, Фридриху пришлось юлить, быть изворотливым, прикинуться даже дурачком...

Ульман и до сих пор не знает, как это все удавалось ему долгие годы. И сын вырос, несмотря ни на что, хорошим, да и он, старик, остался вне подозрений. Может, потому, что никогда не противоречил начальству, усердно выполнял все распоряжения и всегда старался казаться простым, забитым рабочим, обыкновенным сцепщиком вагонов, который не интересуется ничем, кроме своей заработной платы, пайка, огорода возле домика, а вечерами любит посидеть в компании за кружкой пива. Вот так, как сейчас.

Распахнулись двери, и в пивную, качаясь, ввалился тот самый пьяный эсэсовец, который подпирал фонарь перед входом в бар.

– Го-го-го!.. – закричали из-за сдвинутых столиков. – Герберт вернулся. Давай сюда, старина! Иди к нам!

Эсэсовец сделал несколько неуверенных шагов к товарищам, как вдруг его внимание привлекли два солдата за столиком у стены.

– Тыловая сволочь! – погрозил солдатам кулаком. Остановился, покачался несколько секунд. Ульман был уверен, что эсэсовец упадет, но он каким-то чудом сохранил равновесие. – Т-тыловая сволочь, – повторил и тут же ударил себя в грудь, выкрикивая: – А я иду на фронт!

Один из солдат скосил на эсэсовца глаза, другой продолжал сидеть, положив голову на руки и покачиваясь.

– Хайль Гитлер! – эсэсовец вскинул руку и придвинулся к самому столику. – Вы слышали, я иду на фронт! Воевать с русскими!

В баре воцарилась тишина – запахло дебошем, все притихли выжидая.

Солдат, который покачивался, поднял голову. Ульман увидел широко сидящие глаза, ровный нос и пухлые детские губы.

– Неужели? – лицо юноши скривилось в иронической улыбке. – И на какой фронт собирается доблестный ротенфюрер?

– Мы будем бить большевиков! – заревел эсэсовец. – Мы будем бить их всюду, где только встретим!

– У ротенфюрера уже есть опыт? На каком участке фронта вы воевали? Под Москвой, Сталинградом или, может, под Варшавой?

Эсэсовец засучил рукав, помахал здоровенным кулаком:

– Вот мой опыт! Клянусь честью, эта рука не знала усталости!

– А-а... – протянул солдат, – мы воевали, так сказать... Но теперь вам придется иметь дело с другим противником. Думаю, что он тоже будет вооружен...

– Мне наплевать на то, что ты думаешь! – Ротенфюрер стукнул кулаком по столу так, что подскочили кружки. – Наша часть стояла в Италии, и мы уже встречались с врагом...

– Прекрасные места! – издевательски усмехнулся юноша. – Средиземное море, пляжи, красивые девушки и для развлечения иногда небольшая перестрелка. Говорят, схватки с врагом там прописываются врачами для общего возбуждения организма!

– Щенок!.. – задохнулся эсэсовец, поднося кулак к самому носу солдата. – Посмей только раз еще гавкнуть, и ты познакомишься вот с этим!

– Я прощаю вам этот пробел в воспитании, ротенфюрер, – засмеялся юноша, – и делаю это лишь потому, что вскоре у вас будет возможность воочию убедиться в своей ошибке. Конечно, если русские в первом же бою не подстрелят вас, как куропатку.

– Что?! – захлебнулся от злости эсэсовец. – Что ты лепечешь?

² Руководитель местной нацистской организации (нем.).

– Дай ему в рыло, Герберт! – громко посоветовал кто-то из друзей ротенфюрера. – Чтобы не вел провокационных разговоров...

Эсэсовец оперся о край стола, размахнулся. Солдат встал и внезапно толкнул ротенфюрера так, что тот потерял равновесие и, хватая руками воздух, упал на пол.

За столиками эсэсовцев поднялся шум.

– Задержать его, – заорал кто-то, – он ответит перед трибуналом!

Несколько человек метнулись к солдату. Он наклонился, вытащил из-под стола костыли, оперся на них, резким движением отодвинул стул и шагнул навстречу эсэсовцам.

– Берите, что же вы остановились? – выкрикнул насмешливо. – Думаете, я испугаюсь трибунала?

Эсэсовцы отступили. Один из них подошел к юноше, хлопнул его по плечу.

– Так бы сразу и сказал... – пробормотал. – Кто знал, что ты за птица...

Сначала Ульман ничего не понял и, только взглянув на ноги солдата, сообразил, в чем дело: юноша стоял, неестественно выставив вперед ногу, и всем стало ясно, что он опирается на протез. А над карманом мундира поблескивал Железный крест первой степени.

– Я пробыл на Восточном фронте без малого три года, – выдохнул солдат, презрительно глядя на эсэсовцев, – и плевать хотел на пижонов, которые не нюхали настоящего пороха!

– Ха, оказывается, он – свой человек! – ротенфюрер все еще пытался подняться. – Ты – настоящий парень, и давай выпьем!.. Хозяин, бутылку шнапса!

Хозяин метнулся за стойку, но солдат, тяжело опираясь на костыли, направился к выходу.

– Он не пьет шнапса, – предупредительно улыбнулся его товарищ. – Видите, ему и так тяжело ходить...

– Фриц, – остановился юноша, – я запрещаю тебе извиняться за меня!

Солдат еще раз виновато улыбнулся и поплелся за другом.

– Черт с ними, – разрядил атмосферу кто-то из эсэсовцев, – без них наша компания только выиграет!

– П-правда, – еле проговорил ротенфюрер. Он наконец поднялся и стоял, опираясь на чье-то плечо. – Не всегда Железный крест о чем-то говорит. Мне приходилось расстреливать сволоту, которая имела почему-то награды и повыше.

– Мы уничтожим всех, кто сомневается в нашей победе! Хайль Гитлер! – выкрикнул здоровяк с нашивками унтершарфюрера.

– Хайль! – заорали эсэсовцы.

Перепуганные посетители пивной начали расходиться. Одним из первых выскользнул Фогель. Заметив, что гестаповец пошел за помощником диспетчера, Ульман подморгнул Мартке и вышел из бара.

Мартке догнал его в темном проулке. Фридрих шел, тяжело шаркая ногами по сырому асфальту тротуара. Поднял воротник куртки, руки засунул в карманы. Казалось, пожилой, уставший рабочий, немного подвыпивший, возвращается без особого желания домой, где его ждут сварливая жена, нетопленная комната и стакан давно остывшего кофе.

Несколько минут шли плечо к плечу, не разговаривая, углубившись каждый в свои мысли. Вдруг Ульман остановился, прислушался и, схватив Мартке за руку, потянул в сторону. Они присели за кустами – остатками живой изгороди вокруг разрушенной бомбами виллы, – Ульман прижал палец к губам. Послышались быстрые шаги, мимо прошел человек в надвинутом на лоб картузе. Рабочие узнали своего соседа по пивной.

На перекрестке агент замешкался, оглянулся, но, заслышав далекие шаги, чуть ли не побежал по улице, ведущей к центру поселка.

Ульман тихонько выругался.

– Еще раз предупреждаю, – сказал, покусывая обломанную веточку, – пока они не успокоятся, никаких встреч, Единственно, что нужно сделать, – прижался к Мартке, зашептал на

ухо, – завтра поймай Панкау. Его поставили на чехословацкую линию, и на той неделе он идет в рейс. Необходимо повидать пражских товарищей. Дашь ему адрес явки и пароль. Там приготовили для нас листовки. Пусть заберет и пока что подержит у себя.

– Понятно. Больше ничего?

– Все.

Ульман выглянул из-за кустов. Закурили, несколько секунд постояли молча и разошлись по домам.

* * *

Вайганг принимал заместителя шефа местного гестапо штурмбаннфюрера СС Густава Эрлера. Они прохаживались по дорожкам сада, в глубине которого стояла трехэтажная вилла.

Группенфюрер любил цветы. Клумбы подходили вплотную к асфальтовой площадке перед домом, где стояли автомобили, цветники тянулись вдоль аллей, а на открытых для солнца местах, всюду, где было хотя бы несколько метров свободной земли, росли кусты роз, огромные махровые георгины, разноцветные астры.

Осень уже коснулась листьев деревьев, но хризантемы, георгины и астры еще цвели. Вайганг останавливался возле клумб, обрывал увядшие лепестки, любовался белыми хризантемами, редкостными почти черными цветами георгинов.

– Этот цветочек, – нежно погладил сказочное переплетение снежно-белых лепестков, – я вывел еще до войны. И зовется он «Балерина». Видите, действительно напоминает пачку балерины, не так ли?

Эрлер, сравнительно молодой еще человек, лет тридцати пяти, но полный и малоподвижный, еле успевал за группенфюрером. Он бы посадил на месте этих цветов картофель или репу – все-таки какая-то польза. Но поддакивал Вайгангу и громко высказывал свое восхищение.

– Я никогда в жизни не видел таких прелестных цветов, как у вас, группенфюрер. Даже на выставках.

– На выставках вы и не могли ничего увидеть, – пренебрежительно поморщился Вайганг. – Я могу пересчитать по пальцам всех настоящих цветоводов Германии.

– И ни один из них ничего не стоит по сравнению с вами, шеф. – Эрлер хорошо знал уязвимое место группенфюрера и бил в цель без промаха.

Действительно, Вайганг принял откровенное угождение штурмбаннфюрера за чистую монету – лицо его расплылось от удовольствия. В глубине души Вайганг считал свою политическую карьеру делом второстепенным, которое, к сожалению, забирает много времени и отвлекает от любимого занятия. Если бы не это, имя Вайганга наверняка стояло бы в ряду известных ботаников. И сейчас с его теоретическими работами и практическими достижениями в цветоводстве знакома вся Европа, более того, с ним считаются и к его мыслям прислушиваются даже прославленные голландские мастера. Но все это Вайганг считал лишь прелюдией к настоящей работе, он мечтал о последовательных экспериментах на научной основе, о совсем новых видах цветов, которыми он когда-нибудь удивит мир.

В нескольких метрах от аллей, где остановился группенфюрер, тянулся к солнцу высокий красно-черный георгин. Красный цвет еле угадывался, лепестки только чуть-чуть отливали бордовым, – и это делало цветок мрачным и тяжелым, каким-то траурным. А группенфюрер любил его, пожалуй, больше всех – слышал, что такие экземпляры встречаются только в Луврском парке.

Группенфюрер стал проверять, хорошо ли разрыхлена земля вокруг цветка. Эрлер стоял рядом, стараясь скрыть одышку. Черт, группенфюрер старше его лет на двадцать пять и так легко передвигается. Взбрело же ему тащить Эрлера в сад, к этим пошлым хризантемам! В кабинете такие удобные кресла, к тому же у Вайганга так хорошо готовят кофе...

Вайганг поднял глаза на Эрлера и заметил, как тяжело он дышит. «Много ест и не двигается, – подумал. – Скоро совсем ожиреет». Впрочем, какое ему дело до жизни штурмбаннфюрера? Главное, что Эрлер справляется со своими обязанностями и никогда не осмеливается действовать через голову своего начальства. А Вайганг считал, что беспрекословное подчинение начальству является лучшим качеством подчиненных, и не очень любил, когда они проявляли собственную инициативу.

– Садитесь, Эрлер, – кивнул на скамейку, стоявшую в нескольких шагах. – Вам не жарко? Можете расстегнуть воротник.

– Благодарю, все в порядке, – попробовал сберечь достоинство Эрлер, но с удовольствием опустил на низенькую садовую скамью. Подумал немного и расстегнул воротник. Черт побери, осень, а такая жара...

Вайганг вскоре присоединился к нему. Коротко подстриженный, без шляпы, в простеньком домашнем костюме, он выглядел менее импозантно, чем Эрлер, – в мундире с Железным крестом, в блестящих сапогах, и лишь привычный глаз отличил бы начальника от подчиненного. Группенфюрер сидел, свободно откинувшись на спинку скамейки и вытянув ноги. Вся же дородная фигура Эрлера выражала ожидание и готовность в любую минуту вскочить и вытянуться по стойке «смирно».

– Я удовлетворен теми мерами, которые вы приняли для усиления охраны подземного завода, – начал группенфюрер. – Система пропусков, многоступенчатые контрольные посты исключают проникновение кого бы то ни было на территорию объекта. Единственно уязвимое место – железная дорога. Имею в виду эшелоны с углем и цистерны для вывоза готовой продукции. Зарывшись в уголь, можно попасть на склад.

– Мы предусмотрели это, группенфюрер, – возразил Эрлер. – Эшелоны на территории складов немедленно окружаются и разгружают их под наблюдением охраны. После этого уголь по системе транспортеров подается сразу под землю.

– А железнодорожная прислуга? – прищурился Вайганг. – Меня волнуют листовки, которые появляются в рабочем поселке. Значит, там действуют коммунисты. Не исключено, что они попытаются попасть на объект.

– Предусмотрено и это, мой группенфюрер. Перед подачей эшелонов на территорию объекта мы полностью заменяем прислугу паровоза – ее место занимают наши люди. Но мы учтем ваши замечания и усилим охрану завода.

– Вы на лету схватываете мои мысли, Эрлер, – с удовольствием произнес Вайганг. – А что вы можете сказать по поводу листовок? Они появляются у вас под носом, а вы спокойно наблюдаете за вражескими акциями.

Группенфюрер говорил спокойно, казалось бы, даже равнодушно, но в его словах можно было уловить скрытую угрозу. Эрлер почувствовал ее, – лицо его покрылось капельками пота.

– Наши агенты, – поспешил заверить он, – делают все возможное, чтобы напасть на след коммунистической организации в поселке. Но там, если такая организация существует, опытные конспираторы. Правда, я склонен думать, что организации нет, просто два-три человека изготавливают листовки.

– Меня поражает ваша нерадивость, – поморщился Вайганг. – Следствием ее явилось убийство агента.

«Боже, – ужаснулся Эрлер, – он и об этом знает...»

– Я не докладывал вам, – попытался выкрутиться он, – потому что уверен: это несчастный случай. Был очень густой туман и...

– Оставьте, – Вайганг досадливо отмахнулся. – Вы прозевали своего агента и прозевали тогда, когда он начал нащупывать нити, которые вели к организации. Коммунисты раскусили его и немедленно убрали.

– К сожалению, – продолжал оправдываться штурмбаннфюрер, – сообщение о смерти Рапке пришло слишком поздно, и наши люди прибыли на место происшествия, когда там не осталось никаких следов.

– Это не оправдание, – сказал Вайганг, – а лишнее обвинение против вас. Я должен отметить вашу, штурмбаннфюрер, недостаточную энергию и оперативность в борьбе с врагами рейха. До сих пор я закрывал на это глаза, учитывая ваши прошлые заслуги. Но в дальнейшем не потерплю, чтобы рядом с нами действовала шайка политических преступников!

– Мы принимаем меры, мой группенфюрер. – Эрлер произнес эти слова как можно быстрее. – И я уверен, что в ближайшее время положим конец деятельности коммунистических агитаторов. Мы направили в поселок лучших сотрудников. Возглавляет группу гауптшарфюрер СС Эмиль Мауке.

– Я слышал эту фамилию. Он отличился в Польше в борьбе с партизанами?

– Так точно! Мауке – перспективный работник, и мы поручаем ему наиболее запутанные дела.

Вайганг утомленно махнул рукой.

– Меня не касается, кто там у вас будет работать. За поселок вы отвечаете персонально. Даю вам месяц срока, штурмбаннфюрер. Через месяц вы либо рапортуете о ликвидации подпольщиков, либо, – снова взмахнул рукой, – сами понимаете...

– Надеюсь рапортовать раньше! – Эрлер старался держаться уверенно, хотя сердце екнуло. Знал – Вайганг не бросается словами, а перспектива фронта не привлекала штурмбаннфюрера.

Вайганг лениво поднялся. Эрлер до удивления легко вытянулся перед ним.

– Не смею вас больше задерживать, – подал руку Вайганг. – У вас, наверное, много дел...

– Ни минуты свободного времени, – пожаловался штурмбаннфюрер. Отступил на шаг, поднял руку в нацистском приветствии. Шел по алле, стараясь прямо держать свое полное тело. Только за поворотом позволил себе достать платок и вытереть вспотевший лоб. Вот черт, работы действительно много, но он договорился с друзьями пообедать в ресторане «Гамбург»...

Шофер, увидев Эрлера, завел мотор. Штурмбаннфюрер удобно откинулся на заднем сиденье. Что делать? Разговор с группенфюрером напугал его, но зато в «Гамбурге» готовят чудесные котлеты...

Эрлер проглотил голодную слюну.

– В город! – приказал шоферу.

* * *

Карл Кремер отпустил такси и последний квартал прошел пешком. Издалека еще увидел высокую фигуру Рехана. Руди маячил у входа в парк, нетерпеливо поглядывая на прохожих. Карл помахал ему зажатými в руке перчатками, указал на ресторан. Руди перебежал улицу и, не здороваясь, направился к зеркальным дверям.

– Я был лучшего мнения о вашей учтивости, герр Рехан, – усмехнулся Кремер.

Руди зло блеснул глазами, огрызнулся:

– В свое время я тоже считал вас порядочным человеком.

– Однако взаимная антипатия не должна мешать делам. Это – первая заповедь деловых людей.

Рехан ничего не ответил, с силой толкнул дверь.

Они заняли столик в углу большого зала. Ресторан был пуст, и Кремер не боялся, что их разговор кто-нибудь подслушает.

Заказывая обед, искоса поглядывал на Рехана. Тот сидел насупившись. Очевидно, поза Руди понравилась Карлу, и он, удовлетворенно причмокнув губами, заказал бутылку шампанского. Когда официант отошел, наклонился к Рехану.

– Не очень-то вы обрадовались, увидев меня, – оказал спокойно. – Я предвидел это, но, к сожалению, не мог отказать себе в удовольствии пообедать в вашем обществе.

Рехан посмотрел Карлу в глаза тяжелым взглядом, процедил сквозь зубы:

– Оставьте, Кремер! Лучше скажите, что вам нужно? Но должен предупредить: я не пошевелю и пальцем, чтобы помочь вам.

– Не нужно так категорично, Руди. Мне почему-то кажется, что мы договоримся...

Карл заметил, как дрожат пальцы Рехана. Значит, боится. Кремер догадывался, что Руди испугается. Больше того, он твердо знал, что Руди смертельно ненавидит его. И все же был спокоен. Боясь и ненавдя, Рехан будет цепляться за него, ибо слишком ценит свою жизнь и благополучие, чтобы поставить их под угрозу.

«Да, генерал Роговцев прав, Рехан у нас в руках. Он сам попался в сети. Слава богу, что тогда, два года назад, все получилось именно так, хотя мне и пришлось пережить несколько минут, от которых седеют», – подумал Кириллук.

Части Советской армии подходили тогда к Львову. Кириллук узнал, что в особняке губернатора состоится совещание генералитета, и решил попытать счастья – авось да удастся кое-что выведать.

...Петро поднялся по широкой лестнице большого губернаторского особняка на второй этаж, где находилась гостиная фрау Ирмы. Он уже стал «чиновником по особым поручениям» при супруге губернатора. За последнее время он выполнил несколько деликатных ее просьб и стал пользоваться безграничным доверием у губернаторской четы, завоевав положение одного из ближайших друзей их дома.

Фрау Ирма, увидев его, искренне обрадовалась.

– Милый Карл, сам бог послал вас! – воскликнула она. – Сегодня я просто не смогла бы без вас обойтись!

– Приказывайте, я в полном вашем распоряжении, – Петро почтительно склонил голову.

– К нам приедут высокие гости. Прибудет сам командующий и несколько генералов. Вы должны помочь мне встретить их как следует.

– Как всегда, рад выполнить ваше поручение. Хотя... в последнее время вера в наших генералов у меня несколько пошатнулась.

– Не говорите так, – возразила фрау Ирма, – мне рассказывали о наших укреплениях – они такие мощные, что русским одолеть их не удастся.

– Мы слышали это уже не раз, – не сдавался Петро. – Складывается впечатление, что наши генералы разучились воевать.

– Нет-нет! Вы не правы! – встревожилась губернаторша. – Я верю в гений нашего командующего! Вот увидите, он скоро восстановит положение на фронте.

– Мне понравился этот город, и покидать его не хотелось бы. – Петро произнес это вполне искренно. Он на самом деле привык к Львову, полюбил его. – Смею надеяться, вы меня предупредите заранее, если?..

– От вас, милый друг, у нас секретов нет.

Петро был рад оказаться помощником фрау Ирмы – это позволяло ему присутствовать на вечере. Во время ужина у генералов, конечно, развяжутся языки.

Спускаясь по лестнице, Петро встретил адъютанта губернатора Рудольфа Рехана.

– Здравствуйте, Руди! – подмигнул ему. – У вас такой вид, словно зубы ноют.

– Стою на краю финансовой пропасти, – признался адъютант. – А тут понадобилась некая сумма...

– Финансовая пропасть – самая глубокая пропасть, – посочувствовал Петро. – В нее можно падать всю жизнь. У меня с собой двести марок. Хватит?

– Вполне! Большое спасибо! Но я вам и так должен.

Карл Кремер от имени своей фирмы охотно ссужал адъютанта губернатора деньгами, вовсе не рассчитывая, что тот их вернет. Долговязый, рыжий и угловатый оберштурмфюрер СС был по уши влюблен в какую-то девицу, живущую в Дрездене, и тратил на нее значительные суммы. Петро знал от Руди, что они решили обвенчаться, когда Рехан приобретет приличный дом в каком-нибудь небольшом городке и получит адвокатскую практику. На пути к их счастью непоколебимо стоял старик Рехан. Он поклялся: пока жив, не давать сыну ни пфеннига, а умирать он пока не собирается.

– Вы не хотите приобрести что-либо для своей девушки? – спросил Петро, отметив про себя ту радость, с которой Рехан прячет полученные деньги.

– Если разрешите, потом, господин Кремер. Очень, очень вам благодарен, но сейчас...

– Можете не делать таинственного лица – я в курсе всего. Я имею от фрау Ирмы столько поручений в связи с этим, что помоги бог поспеть. До встречи вечером, – Петро кивнул Рехану.

Гости собрались перед ужином в кабинете, двери которого выходили в гостиную. У плотно закрытых дверей стоял коренастый, мрачного вида лейтенант – командующий, надо полагать, проводил секретное совещание. По гостиной, позевывая, прохаживался Руди и с опаской поглядывал на лейтенанта. Петро видел, что адъютант побаивается этого угрюмого офицера.

– Этот – из личной охраны самого... – многозначительно шепнул Рехан, подойдя к Петру.

– Кого? – сделав вид, что ничего не понимает, спросил Петро.

– самого командующего! – поднял значительно палец Руди.

– А-а... Что-то вроде этого фрау Ирма говорила... Значит, происходит нечто важное...

– Секретное совещание генералитета!.. – гордясь своей осведомленностью, ответил Рехан. – Подступиться к городу русским ни за что не удастся. Позиции укреплены так, что попытка штурма любыми силами обречена на провал... Живая сила противника будет здесь перемолота, и мы перейдем в контрнаступление. Красных отбросим до самого Днепра...

Руди явно передавал то, что слышал от кого-то из высокопоставленных гостей. Впрочем, и без него было ясно, что за дверью кабинета обсуждаются какие-то весьма важные дела. Надо, надо узнать, какие именно? Стараясь не обратить на себя внимания лейтенанта, Петро отошел в угол гостиной и сел так, чтобы видеть двери кабинета. Рехан опустил в кресло напротив.

– Вы, Руди, меня успокоили. – Петро решил вытянуть хотя бы из Рехана все, что тот знал. – Вы вполне уверены, что большевикам не удастся прорвать наш фронт?

– Конечно нет! Ни за что! – подтвердил адъютант. – Город защищен системой таких укреплений, что атаковать их в лоб равносильно самоубийству.

Итак, фрау Ирма и Рехан информированы из одного источника. Что же конкретно известно Руди?

Петро вынул портсигар, угостил Рехана сигаретой и продолжил разговор. Но Руди ничего определенного не говорил. Петро вскоре убедился, что ничего существенного тот не знает. Ему надоели пустые разглагольствования Рехана, и он с откровенной радостью поднялся навстречу вошедшей в зал фрау Ирме.

Супруга губернатора была в темном, плотно облегавшем ее полную фигуру, шелковом платье. Опираясь на руку Петра, она прошла вдоль сервированного к ужину стола.

– Ну, вот, мой друг, кажется, все в порядке! Не хватает, к сожалению, устриц, а генерал, говорят, их любит.

– Генерал знает, что он не во Франции, мадам, – весело ответил Петро, – генерал должен нам простить...

– Надеюсь... Но мне не хочется, чтобы мой дом оказался не на высоте в глазах командующего.

– Вы могли бы принять и самого фюрера! – воскликнул Петро. – Я не знаю, кто сейчас способен в Германии приготовить ужин с таким вкусом!

– О-о, льстец! – погрозила пальцем фрау Ирма. – Мне так хотелось...

Петро так и не узнал, что хотелось супруге губернатора: двери кабинета в этот момент широко раскрылись, и фрау Ирма поплыла навстречу гостям.

Вайганг стал знакомить жену с генералами. Говоря хозяйке приличествующие случаю комплименты, гости направились к столу. В кабинете задержался небольшого роста генерал с колючими глазами. Он что-то говорил кряжистому оберсту³, который складывал карты и бумаги в большую кожаную папку, почтительно склоняя голову в такт словам генерала.

«Командующий», – решил Петро, безуспешно стараясь уловить, что тот говорит. Оберст тщательно застегнул папку и вышел вслед за генералом. Петро не мог отвести глаза от большой коричневой папки. Как много таилось в ней, сколько тысяч и тысяч человеческих жизней зависело от спрятанных в ней бумаг!..

Супруга губернатора нежно улыбнулась генералу.

– Мне хочется верить, что вы скучать у нас не будете, – почти пропела она.

– О гостеприимстве вашего дома я слышал немало, – наклонил седую коротко подстриженную голову командующий, – так же как и об очаровательной хозяйке этого дома...

Фрау Ирма представила ему Петра. Генерал небрежно кивнул, подал хозяйке руку и повел ее к столу. Губернатор подозвал к себе оберста.

– Командующий остается ночевать у нас. Охрану можно разместить на первом этаже.

Петро весь обратился в слух.

– Документы положим в мой личный сейф, – предложил Вайганг.

Они вдвоем вернулись в кабинет. Губернатор открыл массивную стальную дверцу сейфа, и оберст бережно положил туда папку. Петро заметил, что Вайганг, закрыв дверцу и повернув замок, быстро провел рукой под сейфом. Положив ключи в карман, губернатор вместе с оберстом присоединились к сидевшим за столом.

Место Петра оказалось между Руди и оберстом.

Рехан их познакомил. Оберст, как уже догадывался Петро, был адъютантом командующего. Он оказался на редкость неразговорчивым человеком, и вытянуть из него что-либо, кроме коротких «да», «нет» или «благодарю», оказалось невозможным. Общий разговор за столом шел неинтересный. Создавалось впечатление, что генералы твердо условились военных тем не касаться. Как только оказалось удобным, Кирилюк поднялся из-за стола.

Он отошел в угол, закурил сигарету и стал незаметно поглядывать на дверь кабинета. Петро не мог не думать о коричневой кожаной папке, лежащей за массивными дверцами стального сейфа. Да и как иначе: важнейшая тайна в нескольких шагах от него! Но эти шаги могут стать последними в его жизни. Взвешивал: есть ли шансы на успех? Вздыхнул, притушил окурок и вышел в туалет. Надо во что бы то ни стало сфотографировать документы. Конечно, выкрасть папку проще, но тогда гитлеровцы перегруппируют свои силы, и документы потеряют всякое значение. Нет, сделать все необходимо так, чтобы никто не заподозрил, что бумаг коснулась чужая рука.

Когда ужин закончился, Петро попрощался с фрау Ирмой и, спустившись в вестибюль, незаметно прошел в узкую дверь, которая вела к черному ходу. Он превосходно знал расположение комнат в особняке: как-никак стал своим человеком в доме! Поднялся по крутой винтовой лестнице на третий этаж, где размещалась прислуга, и небольшим коридорчиком пробежал в библиотеку. Притаился в темном углу за большим шкафом.

³ Полковник (нем.).

Дверь библиотеки осталась открытой, и сюда доносились голоса из гостиной. Послышался тонкий искусственный смех фрау Ирмы, потом густой бас – вероятно, оберст, – он благодарил за приятный вечер.

«Если оберст прощается, значит, гости разъезжаются», – решил Петро.

Вскоре с улицы донесся шум заводимых моторов. Еще несколько минут – и все затихло. Губернатор стал кого-то распекать, но вот вмешалась фрау Ирма, и он успокоился. Потом хлопнула дверь, – наверно, супруги отправились в спальню.

Неожиданно на лестнице началась какая-то возня, кто-то перешептывался, приглушенно смеялся...

– Зайдем сюда, – уговаривал мужчина, увлекая собеседницу в библиотеку.

– Что вы? Как не стыдно? – отвечала с игривой строгостью женщина. – Что вы от меня хотите?... – захихикала она.

В ответ приглушенный голос Рехана:

– К чему вопросы, моя ласточка?! Пойдем к тебе!..

– Нельзя... – возразила, судя по голосу, молоденькая горничная губернаторши.

– Не пожалеешь, – шептал Руди.

– Погодите... – горничная подошла к окну и выглянула на улицу.

Она стояла так близко, что Петро мог дотронуться до нее рукой. Сделай она еще шаг в сторону – и натолкнулась бы на него.

– Смотрите, вокруг полно часовых... – Почему-то именно это ее успокоило, и она шепнула: – Я пойду вперед, а вы потом...

Парочка тихо удалилась, и Петро смог перевести дыхание. Каков Руди – вот тебе и герой-любовник, самозабвенно влюбленный в свою невесту!..

Медленно протянулся еще час. Все в доме замерло. Лишь громко тикали большие старинные часы в гостиной. Петро снял туфли, вытащил из заднего кармана маленький бельгийский браунинг и пробрался к лестнице.

Шел, не слыша собственных шагов. Наконец – порог гостиной. Немного постоял, настороженно прислушиваясь, потом ступил в коридор, ведущий к спальне. Петро двигался с такой осторожностью и так медленно, что прошло немало времени, пока он одолел те пять-шесть шагов, которые отделяли его от двери спальни. Теперь все зависело от того – закрыта она или нет? Если закрыта, ничего не выйдет.

Нашупал дверь. Припал к ней ухом. Кто-то похрапывает, со свистом выдыхая воздух. Не дыша нажал на массивную бронзовую ручку. Ему показалось, что дверь заскрипела на весь дом. Кончики пальцев онемели. Замер. Прошла минута, вторая... Тишина.

Снова Петро еще более нежно стал нажимать на дверь. Теперь она подалась тихо, без скрипа. В лицо пахнуло воздухом, насыщенным смесью горьковато-пряного аромата духов фрау Ирмы и винного перегара – за ужином губернатор, видимо, изрядно выпил.

Петро помнил, что ключ от сейфа Вайганг опустил в правый карман мундира. Где он может быть? Петро пригнулся и почти пополз по ковру. Плечом коснулся чего-то твердого, осторожно ощупал: ага, край кровати. Рядом – вторая, слева – стул. Пробрался между ними и наткнулся на другой стул. Провел рукой по спинке – неужели мундир? Так и есть! Притаив дыхание, опустил руку в правый карман и вынул ключ.

На мгновение припал к ковру, прислушиваясь к тяжелому дыханию губернатора и стуку собственного сердца. Потом пополз обратно и наконец достиг коридора.

Отсюда он уже двигался увереннее и быстрее. Вошел в кабинет, проверил шторы затемнения на окнах и включил настольную лампу. Помнил, что губернатор, закрыв сейф, провел рукой под дверцами. По-видимому, сейф с сигнализацией... Петро повторил движение Вайганга, и пальцы наткнулись на едва заметную кнопку. Нажал – и тут же услышал, как щелк-

нул выключатель. Так и есть: сигнализация! Больше не раздумывал, вставил ключ в замочную скважину.

Дверца сейфа открылась мягко и сразу. Вот она – папка! Петро схватил папку, раскрыл ее на столе: секретнейшие документы, схемы дислокации частей, пояснительные записки... Не веря самому себе, нажимал на спуск фотоаппарата и аккуратно складывал сфотографированные листы в папку. Щелк... щелк... Еще одна схема... Остались, кажется, второстепенные документы, но и они имеют огромную ценность... Щелк... щелк...

– Руки вверх! – тихо сказал кто-то за спиной. Петро даже не оглянулся, думая, что это ему могло лишь послышаться.

– Руки вверх! – повторил кто-то громче.

Петро взглянул через плечо: на пороге кабинета стоял Рехан. Руди с ужасом смотрел на Петра, и пистолет в его руке ходил ходуном.

Кирилюк потянулся было к своему браунингу, но лишь криво усмехнулся и не спеша поднял руки. Оружие сейчас ему не поможет: малейший шум – и тотчас охрана появится здесь. Выскакивать в окно бессмысленно – особняк окружен усиленными патрулями.

Руди все еще торчал на пороге, растерянно глядя на открытый сейф и разложенные на письменном столе бумаги.

– Так вот вы кто, Карл! – торжествующе прошипел наконец Рехан. – Вот вы, значит, кто! Не шевелиться!.. Стреляю без предупреждения!

Петро стоял с поднятыми вверх руками и проклинал себя. Влипнуть, и так глупо, когда почти все удалось! Нет, это невозможно!

– Закройте за собой дверь, Руди! – неожиданно сказал Петро, и властные, нотки, звучавшие в его голосе, никак не вязались с поднятыми руками.

Даже Рехан ощутил комизм ситуации и хрипло засмеялся:

– Заткните глотку, Кремер! Вы попались. Через несколько минут здесь появятся люди из гестапо, и я погляжу, как вы потанцуете перед ними.

– И все же сначала прикройте дверь, Руди! – повторил Петро. – Вам надо думать о себе, а не о гестапо!..

Адъютант раскрыл рот, как бы собираясь вызвать охрану. Еще миг – и все будет кончено.

– Поймите, Рехан! – быстро произнес Петро. – Это ваш первый и последний шанс стать богатым!..

Руди замер, медленно закрывая рот.

– Прикройте наконец дверь и выслушайте! – оказал Петро. – Застрелить меня или вызвать охрану вы всегда успеете...

Рехан неуверенно передернул плечами и плотно прикрыл дверь. Петро еще не знал, чем все это кончится, но теперь располагал хотя бы несколькими секундами, возможно, даже минутами. Все зависело от того, что возьмет верх в Рехане – страх или жадность.

– Слушайте внимательно, Рудольф. – Петро смотрел ему прямо в глаза. – Разумный человек в моем положении не станет ни выдумывать что-либо, ни рассчитывать на милосердие. Предлагаю договориться по-деловому.

– Вы вражеский агент, Кремер, и моя совесть...

– Оставим пустые слова!.. – перебил Петро. – Сначала я опущу руки. Сами понимаете, стрелять в вас не стану – не в моих интересах привлекать сюда охрану. Как видите, я трезво оцениваю всю обстановку...

– О каком это шансе вы говорили?

– В том случае, если вы выдадите меня гестапо, – взвешивая каждое слово, говорил Петро, – самое большее, что вы получите, – Железный крест. И это все. Поймите: все!.. А я предлагаю вам деньги. Большие деньги!

– Не так уж плохо – Железный крест, – пробубнил Рехан. – И совесть не будет меня мучить...

– Мучить вас, Руди, она и так не будет! Не позднее как завтра вы сможете купить виллу и поселить там свою невесту!

У Рехана заблестели глаза.

– Я тоже наобещал бы под дулом пистолета золотые горы, – произнес он недоверчиво, но Петро понял, что Рехан уже заколебался.

Он поднял над головой правую руку, повернув ее так, что Руди увидел перстень с ярким камнем, и сказал:

– Цена этого перстня двадцать пять тысяч марок. Договоримся – вы его сейчас же получите.

– Мне он и так достанется, – усмехнулся Рехан. – Прежде чем явится охрана, я его сниму с вашей холодеющей руки.

– Думкопф!⁴ – громко сказал Петро. Разговор до сих пор шел почти шепотом. И это произнесенное нормальным тоном слово хлестнуло Рехана – он отшатнулся, словно получил пощечину. – Потеряете вчетверо больше!

– Сколько вы мне предлагаете?..

– Сто тысяч! – бросил Петро, ногою придвигая к себе стул. По-видимому, он выиграл этот поединок.

Рехан даже не заметил, что Петро опустил руки и устало плюхнулся на стул. «Сто тысяч! – шептал он. – Сто тысяч...» Конечно, надо соглашаться: будут сразу решены все его запутанные дела... Он уже принял решение и, отступая, хрипло спросил:

– Ну а если кто-нибудь об этом узнает?..

– Ни я, ни вы рассказывать об этом никому не станем, – ответил Петро несколько покровительственно. – Спрячьте пистолет, Руди! Руки у вас дрожат – как бы не выстрелили себе на беду.

Адъютант сунул «вальтер» в кобуру и спросил:

– Какая гарантия, что я получу сто тысяч марок?

– Этот вопрос мне уже нравится! – усмехнулся Кремер. – Вот мы начинаем деловой разговор. Итак, сначала я верну ключ от сейфа на место, потом вы выводите меня из особняка, и мы направляемся ко мне домой, где окончательно рассчитаемся. Аванс, – снял перстень с пальца, – как я обещал, можете получить!..

– Не много ли вы требуете от меня, – пробурчал Рехан, пряча перстень в карман.

Петро уже было не до разговоров. Быстро и аккуратно собрав в папку карты и документы, положил ее в сейф, не забыв при этом включить снова сигнализацию.

– Теперь, Руди, – сказал так, словно никогда не сомневался, что тот выполнит все его приказания, – подежурьте в гостиной. Мне необходимо возвратить ключ хозяину, а это совсем непростая задача. Если на этом пути я споткнусь, у вас будет возможность первому поднять тревогу и отличиться. Хотя я буду молчать как рыба, но денег вам тогда не видать...

Адъютант кивнул, ушел в гостиную, где присел на стул и вытащил пистолет: если губернатор проснется и поднимет тревогу, вражеский агент будет задержан им, Рудольфом Реханом. Задержан? Нет! Он не верит, что Карл будет молчать, так пусть он навсегда умолкнет... Руди отвел предохранитель... Напряженно всматриваясь в темноту, он думал: «Все-таки ловкий человек этот Кремер! Сколько же ему за сегодняшнюю операцию отваяют? Во всяком случае, не меньше, чем получит он, Рудольф Рехан». Ему стало не по себе – не продешевил ли?! Надо потребовать, решил он, сверх обусловленной суммы еще драгоценности для подарка Хильде.

⁴ Глупец, дурак, буквально – дурная голова (нем.).

Что он там возится?.. Рехан осторожно подошел к двери и стал прислушиваться. Вдруг он стал волноваться за исход операции не меньше, чем сам Кремер. Эта мысль вызвала у него улыбку. А-а, плевать ему и на губернатора, и на фюрера, и на всех!.. Деньги есть деньги, а Хильда будет великолепной женой...

Из темноты вдруг вынырнул Петро. Рехан вздрогнул.

– Дьявол, – шепотом выругался он, – чуть было не выстрелил в вас!..

– Успокойтесь – все идет как надо, – сказал Петро. – Теперь мне нужно обуться, а туфли в библиотеке...

Они вместе прошли в библиотеку. Петро надел туфли и приказал:

– Спускайтесь первым и идите к черному ходу. Я – за вами. Вы подадите мне знак, когда лучше выскользнуть.

– Все это за ту же сумму?! – заворчал адъютант.

– Ладно, Руди, будет надбавка, – пообещал Петро.

Рехан вдруг протянул руку.

– Лучше отдайте мне свой пистолет, Кремер! – решительно сказал он.

Какое-то мгновение Петро колебался. Зачем вдруг он ему? Но тут же вытащил из кармана браунинг и протянул его Рехану.

– Не беспокойтесь, Руди: свои деньги вы получите сполна и без эксцессов. В вашей смерти я сегодня вовсе не заинтересован так же, впрочем, как и вы в моей.

Рехан осторожно выглянул из библиотеки. Пробираясь на ощупь, они миновали маленький коридор и спустились на первый этаж по винтовой лестнице. Адъютант открыл дверь, которая выходила в темный переулок.

– Кто идет? – окликнул его часовой. – Пароль?

– «Кройцбург», – ответил Рехан. – Вызовите мне старшего.

– Слушаюсь! – Солдат исчез за углом.

– Давайте!.. – зашипел Рехан, и Кирилюк юркнул в темноту, успев только услышать, как адъютант вполголоса приказывал никого не впускать и не выпускать из дома до утра...

...Кирилюк энергично потер лоб, как бы отгоняя воспоминания. Сказал, иронически усмехаясь:

– Не смотрите на меня так враждебно, герр Рехан... – Притворно вздохнул и добавил: – Я думаю, мы все же должны договориться...

– Вы всегда были слишком самоуверенны, Кремер! – Рехан налил в фужер минеральной воды, жадно выпил... – Боюсь, на этот раз вы ошибаетесь.

– Я коммерсант, Руди, и чутье дельца редко изменяет мне. Скажите, у вас осталось что-нибудь от тех ста тысяч?

– Какое это имеет значение?

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Мы приобрели небольшой особнячок...

– Который необходимо обставить мебелью?

– Я не люблю людей, сующих нос не в свои дела.

– Вы всегда были невоспитанным типом, Руди. Но быть невежливым с тем, кто хочет вам помочь!..

– К чертям вашу помощь! Потом не спи ночами...

– Я не требую от вас невозможного.

– Все так говорят. – Рехан расстегнул воротник сорочки и снова выпил воды. – К тому же я сейчас вряд ли чем смогу быть полезным.

– Видите, я был прав, Руди, – Кремер заставил себя улыбнуться, – вы все же деловой человек. Я буду платить вам в основном за молчание и доброжелательное отношение ко мне.

– Мне не хотелось бы, чтобы вы втягивали меня в свои авантюры, – жалобно протянул вдруг Рехан. – У меня невеста, и я очень люблю ее...

– Любите прежде всего себя, Руди, – поучительно произнес Карл, – это никогда не помешает!

Рехан посмотрел на Кремера с уважением:

– Вы здорово играете свою роль. Где вас так натаскали?

– Чрезмерное любопытство никогда не украшало человека. – Карл засмеялся и достал сигарету. Рехан зажег спичку. Прикуривая, Кремер поймал его вопросительный взгляд и понял: сейчас Руди начнет торговаться. Возможно, будет еще огрызаться, но только для того, чтобы набить себе цену.

Карл спросил:

– Как вам живется в Дрездене? Мне говорили, что вилла фон Вайганга стоит на окраине города, и там – тоска зеленая...

– Это не совсем так, но доля истины есть. Фон Вайганг много работает и любит загружать работой своих подчиненных. Но он не аскет и понимает, что иногда следует развлечься...

– Много помощников у группенфюрера?

Рехан иронически посмотрел на Кремера. Потарахтел спичечным коробком, небрежно бросил его на стол. Спросил:

– Что вас интересует, Кремер? Вы подкрадываетесь ко мне, как кошка к воробью. Но, пока я не получу надежных гарантий...

– Мне стыдно за вас, Руди! Вы не первый день знаете меня.

– И все же!.. – покачал головой Рехан.

Карл подвинул ему пачку сигарет.

– Возьмите, – произнес. – Здесь две тысячи марок. – Увидев, как невольно улыбнулся Рехан, сказал: – Это аванс.

Официант принес обед, и Кремер склонился над тарелкой. Исподлобья глянув на Рехана, заметил: тот не вынимает руку из кармана, куда убрал деньги.

– Вы не ответили на мой вопрос, – отложил ложку Карл. – Много ли у фон Вайганга помощников?

– На такой вопрос трудно ответить, – поднял глаза Рехан. – Фон Вайганг – особоуполномоченный рейхсфюрера СС Гиммлера, начальник вновь созданного отдела Главного управления имперской безопасности, и ему фактически подчинены службы СД и гестапо не только Дрездена, но и ближайших районов.

– Это вообще... Но ведь фон Вайганг, очевидно, выполняет какое-нибудь конкретное задание?

Рехан пожал плечами:

– К сожалению, это мне неизвестно. У группенфюрера есть личная канцелярия, расположенная во флигеле за садом. Но даже я не осведомлен о ее делах.

– Кто возглавляет канцелярию?

– Гауптштурмфюрер СС Шрикель. Он с помощниками там и живет.

– И все-таки чем занимается Шрикель?

У Рехана опустились уголки губ:

– За чрезмерную любознательность у нас можно поплатиться головой. У меня нет желания лезть туда, где можно обжечься...

Карл проглотил несколько ложек супа. Вытер губы салфеткой, отодвинул тарелку. Произнес твердо:

– Теперь придется лезть. – Заметив протестующий жест Рехана, добавил: – Повторяю, я не требую от вас невозможного. Не нужно прыгать выше головы. Но все, что касается канце-

лярии Шрикеля и что может попасть вам в руки, не должно идти другими каналами. Запомните все, даже мелочи. Эта информация будет оплачиваться по высшей ставке.

– Какой-нибудь мелочью здесь не отделаетесь, – косо улыбнулся Рехан. – Риск очень велик...

Кремер оборвал его:

– Учтите, без моего согласия вы не должны интересоваться ни одним делом, которое не входит в круг ваших служебных обязанностей.

– Не думайте, Карл, что имеете дело с абсолютным болваном, – засмеялся Рехан. – Не такой уж я корыстолюбец, деньги интересуют меня постольку-поскольку...

– Понимаю вас. Так сказать удовлетворение минимальных потребностей. Но вы никогда не сможете убедить в этом мало-мальски хорошенькую женщину. А ваша невеста, насколько мне известно, очень красива...

– Хильда любит меня, – попытался возразить Рехан, но возражение прозвучало неубедительно, он сам понял это и рассердился. – В конце концов мои отношения с Хильдой вас не касаются.

– Конечно, – примирительно улыбнулся Кремер, – но, беспокоясь о вас, я забочусь о себе. Это вы можете понять?

Рехан наклонил голову.

– Вот и хорошо! – Карлу почему-то сделалось весело, он откупорил бутылку шампанского, обрызгав вином скатерть. – За вашу невесту, Руди!

Рехан молча опорожнил бокал.

– Что вы собираетесь здесь делать? – опросил он.

– Возможно, стану акционером какой-либо преуспевающей фирмы.

– Не морочьте мне голову, Кремер!

Карл взглянул на Рехана с нескрываемым интересом. Этот оберштурмфюрер слишком обнаглел. Немного подумал: стоит ли сразу поставить его на место? Решил – стоит. Оперся локтями на стол, положил подбородок на переплетенные пальцы, сказал, пристально глядя Рехану в глаза:

– Мне не нравится ваш тон, Рехан! Это – во-первых. Во-вторых, мы щедро оплачиваем вашу работу, но запомните: малейшая попытка обмануть нас или изменить нам станет вашим концом. Надеюсь, вам не нужно объяснять почему?

Руди кивнул. Кремер достал из кармана небольшой блокнот, развернул и протянул Рехану.

– Это – расписка в получении вами двух тысяч марок. Распишитесь...

– Мне не хотелось бы... – начал было Рехан.

– А я не собираюсь спрашивать о ваших желаниях, – оборвал его Карл.

Рехан зябко передернул плечами, вытащил авторучку с золотым пером и, боязливо оглянувшись, подписался. Для порядка дописал еще дату в блокноте и только после этого вернул его Карлу. Налил себе полный бокал, осушил одним глотком. Покрутил бокал, взяв за высокую тонкую ножку.

– Стало быть, так... – протянул неопределенно.

– Именно так, – подтвердил Кремер. Откинулся на спинку стула, вытянул ноги под столом. – Как чувствует себя фрау Ирма?

– Она несколько раз вспоминала вас. Чем-то пришлось по сердцу, – криво улыбнулся Рехан. – Ну что ж, она еще хорошо сохранилась...

– Оставьте, – поморщился Карл. – Сами же не верите в это...

– Неисповедимы пути господни!

– Именно здесь все ведомо! – рассердился Кремер. – Но я спрашиваю вас совсем о другом. Не удивило ли ее мое внезапное исчезновение?

– Фрау Ирма просила меня разыскать вас. Я звонил в магазин, и мне ответили, что вы куда-то срочно выехали. Я, конечно, знал куда, – прищурил глаза Руди, – но не счел необходимым разглашать это. А потом началось наступление русских, и никому ни до чего не было дела. Фрау Вайганг вылетела военным самолетом в первый же день. А мы с шефом оставались до последнего. – Лицо Рехана потемнело. – Было какое-то безумие! Через два дня русские танки ворвались в город!..

– Они скоро будут и здесь, Руди, – произнес Карл уверенно.

Рехан вымученно улыбнулся.

– Я никак не могу свыкнуться с мыслью, – пробормотал, – что фактически помогаю вашей победе.

– Пройдет совсем немного времени, – сказал Карл, – и вы будете звонить об этом на всех перекрестках. Правда, вряд ли станете вспоминать про некоторые суммы, которые получали, так сказать, в порядке поощрения.

– Однако, – попробовал уколоть Рехан, – материальная заинтересованность не отрицается и вашим общественным строем...

– Ну-ну, Руди! – сдвинул брови Карл Кремер. – Я прошу вас не забываться!

– Не будете же вы отрицать, что также получаете вознаграждение...

Карл перегнулся через стол. Гневные слова готовы были сорваться с языка, но он вовремя овладел собой.

«Черт с ним, – решил, – пускай думает, что хочет. Все равно его не переубедишь».

– Не будем спорить, герр оберштурмфюрер, – сделал ударение на последнем слове. – Короче, можете сообщить фон Вайгангу, что мы с вами случайно встретились в городе и отпраздновали это приятное событие. Фрау Ирме я позвоню сам. Надеюсь, завтра увидимся в приемной группенфюрера.

Рехан молча смотрел на Карла не отвечая. Обдумывал, как лучше поступить: предостеречь этого пройдоху или пускай сам выкручивается, как хочет? Однако если он пойдет на дно, то потянет за собой и его, Рехана.

Сказал решительно:

– Будьте осторожны с гауптштурмфюрером Шрикелем. Он обнюхивает за полкилометра каждого, кто приближается к фон Вайгангу. Не дай бог, чтобы у него возникло малейшее сомнение относительно вас. Он пойдет по следу и докопается, кто вы...

Карл вздохнул:

– Думаю, вы переоцениваете способности Шрикеля. Но все же нет ли у него каких-либо уязвимых мест? Скажем, склонность к женщинам? Он не пьет?

Рехан покачал головой:

– Не человек, а живая добродетель. Впрочем, на его месте даже я был бы таким.

– Почему? – вырвалось у Карла.

– Я не могу утверждать, но слышал: в биографии Шрикеля – какое-то темное пятно. Он из прибалтийских немцев, и то ли отец, то ли брат его остались у вас и активно работают на коммунистов.

– Не думаю, что это могло бы повредить ему, – задумчиво протянул Кремер.

– Не знаю, не знаю... Возможно, эти слухи и ничего не стоят. Но Шрикель неохотно вспоминает свою молодость. Я как-то попробовал было расспросить его о Риге, так он отмолчался.

– Очевидно, все это пустое, – возразил Кремер. – На такую должность, как у него, людей с темным прошлым не допускают.

– Я ничего не могу доказать, – ответил со злостью Рехан, – и повторяю то, что слышал... – и даже покраснел.

Кремер удивленно взглянул на Рехана и все понял: Руди завидует Шрикелю. Завидует, потому что Шрикель отодвинул его на второй план, занял место, на которое рассчитывал Руди. Что ж, на этом можно сыграть.

– Дай бог, чтобы ваши предположения оказались небезосновательными, – произнес как можно бодрее. Хитро взглянул на Рехана и прибавил: – Тогда мы скоро прочитаем отходную молитву гауптштурмфюреру Шрикелю. Не знаю, как вы, а я сделаю это с удовольствием. – Подозвал официанта: – Счет...

Рехан потянулся за кошельком. Карл остановил его решительным жестом:

– Сегодня плачу я. В честь нашей встречи.

* * *

Домик Ульмана стоял на пригорке, с которого открывался почти весь поселок: прямые улицы и крыши, крыши между клочками садов и огородов.

Домишки в поселке большей частью стандартные, из дешевых блоков. Кое-где пристроены у крыльца стеклянные веранды – летом в них приятно спать: все же воздух посвежее, и садик вокруг...

Когда-то Ульман тоже мечтал о веранде, но никак не мог собрать денег. Сроки строительства все откладывались, а потом началась война.

Сегодня Ульман шел в ночную смену – день выдался свободный, и старик принялся оккупывать на зиму деревья. Не торопился: не сад, а смех один – шестнадцать яблонь и груш...

Вгоняя лопату в мягкую землю, Ульман тихонько мурлыкал песенку, которую любила напевать в кухне Марта. Вот бы удивились товарищи, услышав, как, всегда молчаливый и хмурый, Фридрих распелся. Трудно поверить: старый ворчун – и сентиментальная песенка. Но лопата так легко врезается в землю, а утро такое прозрачное, и песенка такая мелодичная... Ульман даже чертыхнулся: проклятый мотивчик, привязался – не отцепится...

Старик присел на скамью под грушей, достал сигарету, аккуратно разломил на две части и закурил.

Кажется, все успокоилось. Гестаповские шпики уже не маячат возле диспетчерской, у проходной и в депо. Все-таки грубо работает гестапо: агентов узнавали даже рабочие, не имеющие никакого отношения к организации. Одного, пришедшего в депо под личиной монтера, «случайно» так прижали к стене вагонеткой, что еле отдышался. Еще и посмеялись – надо знать технику безопасности и не лезть, куда не следует.

Ульман легко вздохнул и вновь замурлыкал – опять тот же мотивчик... Взял топор и стал поправлять забор возле калитки. Давно пора было обновить его – доски потрескались, покрылись лишайником, – где возьмешь лес? Но в конце концов дело не в ремонте – просто захотелось побаловаться звонким и сподручным топором: хотя уже за шестьдесят и голова седеющая, но руки еще сильные, так и играют...

Поработав несколько минут, Ульман воткнул топор в колоду, лежащую у забора. Что-то взволновало его – даже закурил половину сигареты, оставленную на послеобеденный час. Выкурил за несколько затяжек, старательно притоптал окурочек и снова взялся за топор. Теперь уже не напевал, в глазах погас веселый огонек. Обтесывал доску и ругал себя. Распелся, как мальчишка, обрадовался, что все обошлось. Забыл, как когда-то предупреждали его опытные товарищи: спокойствие часто бывает обманчивым, гестаповцы создают иллюзию безопасности, стараясь притупить бдительность, а без бдительности не сделать и шагу... Ульман умел предусмотреть каждый шаг. Очевидно, поэтому и держится их организация вот уже сколько лет, да еще в таких условиях! Даже неосторожное слово угрожало провалом, а они выстояли. И не только выстояли, а продолжали бороться. Правда, не обошлось и без потерь, и последняя – Штурмбергер. Но ядро организации сохранилось. Небольшое это ядро, зато крепкое, –

каждому товарищу Ульман доверял, как себе. И все же, доверяя, ни разу не нарушил строжайших правил конспирации – о принадлежности старого Фридриха к организации знали лишь несколько человек. В поселке его считали нелюдимым, человеком с чудачествами, а кое-кто признавал даже немного придурковатым. Ульману такая слава на руку – он сам способствовал распространению таких слухов и с удовольствием замечал, как пренебрежительно смотрело на глуповатого сцепщика начальство.

Фридрих переехал в поселок за несколько недель до путча и не успел даже познакомиться с местным партийным руководством. Это сказалось на его судьбе. Партия ушла в подполье. Все документы, по которым нацисты могли бы разузнать о принадлежности Ульмана к партии, были уничтожены, и Фридрих получил задание создать подпольную организацию на железно-дорожном узле.

С того времени прошло десять лет. Десять лет балансирования над пропастью...

Порою Ульману не спалось по ночам. Лежал с открытыми глазами и все думал, думал... Рядом тяжело дышала Марта. Стара уже стала его всегда веселая и добрая Марта. За пятьдесят перевалило. Но Фридриху она всегда казалась молодой – не замечал ни морщинок на лице, ни седины. Марта всегда понимала его и умела поддерживать душевное равновесие и покой, А что бы он делал, если бы и дома не имел покоя?..

Лежал и думал. О товарищах, которых штурмовики забирали ночью прямо с постели. Кто из них сейчас живой? Одни расстреляны в тюрьмах, другие – за колючей проволокой.

Неужели это его Германия?

Как-то Ульману пришлось побывать в Берлине на митинге, где выступал сам фюрер. Рев толпы и тысячи поднятых рук. Зиг-хайль!.. Зиг-хайль!.. Истерические вопли женщин, исступленные крики мужчин... Безумные глаза... Зиг-хайль!.. Зиг-хайль!..

А кажется, только вчера шли гамбургскими улицами с поднятыми кулаками. Рот Фронт!.. Рот Фронт!.. Тысячи и тысячи поднятых над головами сильных кулаков!

Что же случилось с отчизной?..

В такие минуты Ульману было нестерпимо больно. И он пытался унять эту боль, кусая до крови пальцы.

Сам не знал, откуда брались силы после таких ночей. Шел на работу, любезно здоровался с вахтером, который одним из первых вступил в штурмовой отряд, спокойно смотрел на паучью свастику...

Что поддерживало его? Может, короткие разговоры с товарищами, а может, уверенность в том, что он делал? Но для кого он делал это и когда оно наступит, это будущее?

Иногда Ульман чувствовал себя микроскопической частицей в этом море поднятых рук и безумных глаз – отчаяние вползало в сердце, места не находил себе... Тогда он начинал думать о товарищах – машинисте Клаусе Мартке, стрелочнике Ялмаре Шуберте, старом шахтере Иоганне Нитрибите... Именно они – настоящие немцы, а не те – тысячи и тысячи, – что орут «хайль», большинство из них не ведают, что творят. Когда-нибудь и они поймут это, но страшным будет похмелье...

Фридриху снова захотелось курить, но он пересилил себя: раскис, как глупая девчонка. Надо быть постоянно бдительным. В спокойствии, казалось бы наступившем в поселке, и кроется опасность. Наверно, гестаповцы что-то придумали: не могут они простить листовки и убитого агента.

Кстати, как же быть с листовками, что привез из Чехословакии Панкау?

Ульман решил: с Панкау он встретится вечером сам. Георг Панкау – один из немногих, кто знает, кем является на деле старый Фридрих. Вместе десять лет назад создавали подпольную организацию. Не верить Панкау – не верить самому себе, и все же нельзя идти к нему домой. Даже на работе они, встречаясь, не разговаривают, только мимоходом здороваются. Но и листовки не могут больше лежать. Сегодня сверток нужно спрятать в тайнике возле

кладбища старых вагонов, а завтра его переправят дальше – листовки адресованы солдатам и должны попасть в воинские эшелоны.

Кроме того, надо напомнить товарищам – спокойствие в поселке обманчиво...

Ульман опустил топор. Черт с ним, с забором, лучше он подастся в центр: вечером в клубе будет выступать лектор из Дрездена, говорят, какой-то нацистский бонза, – нужно послушать, что там делается.

– Минутку, герр Ульман!

Это его? Оглянувшись удивленно: ведь на улице никого не было.

– Добрый день... – Из-за забора высунулось лицо, изрытое морщинами. Наглые глаза смотрят пристально, коричневая партийная форма на спине поднята горбом.

– Добрый день... – Ульман остановился, исподлобья глядя на горбатого. Этот тип всегда словно подкрадывается к людям. Шел, должно быть, под самым забором, поэтому Фридрих и не заметил его.

– Я хотел бы побеседовать с вами, герр Ульман.

Фридрих молча указал на дверь дома.

– А Марта дома? – опросил у калитки горбун.

Ульман кивнул.

– Погода хорошая. Может, посидим в садике?

Фридрих, не отвечая, повернул к груше, где стояла скамья, поднял лопату, освобождая место для незваного гостя.

Подумал: какой ветер занес к нему ортсгруппенляйтера? Этого проныру, который всегда знает, где пахнет жареным?

Когда-то Магнус Носке был кладовщиком в депо и даже пользовался у рабочих популярностью – смотрел сквозь пальцы на случайно испорченный инструмент, шел на всякие мелкие побрякушки слесарям и токарям. Никто и не догадывался, что горбун Магнус – член партии национал-социалистов. Узнали об этом только тогда, когда Носке назначили ортсгруппенляйтером.

То, что Магнус Носке умный и серьезный противник, Ульман знал давно. Он вел с ортсгруппенляйтером своеобразную игру, отчетливо представляя, что единственный неверный ход в этой игре может дорого ему обойтись. Собственно, Фридрих ничего не делал, только старался всеми способами утвердить Носке в мысли, которой придерживалось большинство жителей поселка: он, Фридрих Ульман, – старый чудаковатый человек, человек, который не интересуется ничем, кроме работы и пива.

Ульман понимал – стоит только Носке разгадать его, и прежде всего возникнет вопрос: для чего старый чудаковатый человек морочил всем головы? От этого вопроса до правильного ответа недалеко, и кто-кто, а Магнус Носке найдет ответ.

Ортсгруппенляйтер сел на скамью, неудобно опершись горбом на грубо покрашенную спинку. Фридрих стоял перед ним, уставив взгляд в землю.

– Садитесь, герр Ульман, – приветливо предложил Носке, похлопав ладонью по доскам скамьи.

Фридрих посмотрел на руку Магнуса – белую, с длинными пальцами и желтыми ногтями «Как у мертвеца», – подумал невольно. Решительным жестом воткнул лопату в землю у самых ног Носке – тот даже отшатнулся – и сел рядом.

– Вы ко мне? – спросил, пытаясь улыбнуться.

– А к кому же? – удивился сначала ортсгруппенляйтер, но, вспомнив, с кем имеет дело, произнес мягче: – Конечно, к вам, мой друг. Шел мимо, дай, думаю, загляну к старому Ульману. Может, и у него есть дело к нам. Может, нужна помощь?

Выжидательно посмотрел на Фридриха.

Ульман не ответил. Некоторое время стояла тишина, слышалось только журчание воды в канаве на улице.

– Не будете же вы помогать мне чинить забор? – внезапно спросил Ульман. – Или оккупывать деревья? Весь поселок помер бы от зависти: сам ортсгруппенляйтер работал в саду у Ульмана!..

– Я имел в виду другое, – покровительственно улыбнулся Носке. – Не нужны ли вашему сыну лекарства? Я могу это устроить.

– Рана у него зажила, – буркнул Ульман.

Носке покачал головой.

– Ваш сын пролил кровь за великую Германию, и это со временем зачтется ему.

– Это был его патриотический долг! – с гордостью произнес Ульман, напряженно сообщая, для чего притащилась эта лиса в коричневой рубашке. Конечно, не для благодарности. Может, гестапо обнаружило какую-то ниточку и пытается распутать клубок? Хотя гестаповцы вряд ли открыто использовали бы ортсгруппенляйтера – это лишь насторожило бы подпольщиков. А что если Носке взялся за это дело по собственной инициативе?

Так и не найдя ответа, Ульман вздохнул. Впрочем, как Носке ни будет вертеть хвостом, откроется. Раз уж пришел, откроется.

Ортсгруппенляйтер достал из кармана массивный серебряный портсигар, раскрыл перед Ульманом. Старик насторожился. Если Носке угощает сигаретами, дело серьезное.

– Мне кажется, Фридрих, что давно настало время подыскать для тебя более подходящую работу. – Как-то незаметно Магнус перешел на «ты».

Ульман, насколько сумел, изобразил на лице удовлетворение. «Ого! – подумал. – Многообещающее начало».

– Но, – продолжал Носке, – у нас должны быть доказательства твоей преданности. – И, решив, очевидно, не церемониться с этим придурковатым Фридрихом, приступил к делу: – Ты должен доказать свою любовь к фюреру и рейху.

– Как? – коротко спросил Фридрих.

Носке подозрительно взглянул на старика. Ульман весь съежился – казалось, хитрые глазки насквозь пронзили его. Но это только казалось, в следующую минуту Носке придвинулся вплотную, зашептал, горячо дыша в ухо Фридриху:

– В нашем поселке есть враги фюрера. Они хотят, чтобы мы проиграли войну. Тебе не попадались их листовки?

– Нет, – выдержал пронизывающий взгляд Фридрих, – не попадались.

– Они ненавидят всех настоящих немцев, – продолжал шепотом ортсгруппенляйтер, – особенно тех, кто кое-чего стоит! – Сделал паузу и спросил внезапно: – Ты ничего не слыхал про смерть Рапке?

– Дурак, полез под вагоны, – Ульман стукнул кулаком по лавке. – А вагоны у нас, – глуповато усмехнулся, – катятся...

– Хе-хе, – хохотнул Носке. – Говоришь, катятся... Но все же, – сделал таинственное лицо, – может, ты слыхал, у нас некоторые из рабочих говорят: так, мол, ему и надо, этому Рапке?..

«Ишь, куда метит», – подумал Ульман. Вдруг ему стало весело. Если бы Носке мог только представить, с кем он разговаривает! Интересно, какую бы физиономию он соорудил?

Фридрих раз-другой моргнул, наклонился к самому уху ортсгруппенляйтера, прошептал таинственно:

– Слыхал...

– Ну-ну, – встрепнулся тот.

– Говорят: так и надо... Этот Рапке нарушал правила безопасности...

– Кто говорил?

Фридриху показалось: ухо Магнуса Носке зашевелилось от нетерпения.

– Инженер Герлах... – назвал Ульман фамилию начальника депо.

Носке разочарованно крикнул: кого-кого, а Герлаха не заподозишь – старый член СА.
– Наверное, так оно и есть, – произнес, изображая безразличие. – Инженер знает.
– Солидный человек, – согласился Ульман.

И снова Фридриху показалось, что горбун смотрит на него с каким-то особенным интересом. Выдержал острый взгляд вьедливых глаз. Сказал как можно откровеннее:

– Почему вы так смотрите на меня, ортсгруппенляйтер? Неужели я не угодил вам?

– Нет, почему же... – Носке положил ладонь своей длинной руки на колено Ульмана. – Мне всегда приятно разговаривать с умным человеком.

– И мне тоже... – Фридрих спрятал иронию в широкой улыбке.

– Умные люди всегда поймут друг друга! – радостно осклабился Носке. – Я надеялся на это и искренне сожалею, что раньше так редко встречался с тобой.

– Для меня это честь! – Ульман всей пятерней обхватил подбородок и пригласил: – Заходите ко мне почаще. Может, хотите рюмку шнапса?

– Не надо, – остановил его ортсгруппенляйтер. – В другой раз... Я буду навещать к тебе. – Оглянулся воровато. – А ты смотри и слушай. Может, узнаешь что о листовках или вообще кто недовольный... Тогда сразу же ко мне...

– Угу! – согласился Ульман и так похлопал своей огромной рукой по плечу горбуна, что тот отшатнулся.

– Медведь! – зло сверкнул глазками, но тут же овладел собой. – А сила у тебя того... есть еще... – произнес уважительно. – Так мы договорились?

Ульман кивнул. Смотрел, как осторожно ступает Магнус Носке между грядками, чтобы не запачкать блестящие сапоги. Плюнул ему вслед. Почувствовал омерзение к этому человеку с длинными, до колен, руками и коротким туловищем. Ульман никогда даже в мыслях не позволил бы себе насмехаться над физическими недостатками человека, наоборот, всегда симпатизировал людям, обиженным природой, но здесь не мог перебороть себя. Носке напоминал ему тарантула. Хотя Фридрих никогда и не видел тарантула, но именно такое сравнение почему-то возникло у него.

Хорошо, что ортсгруппенляйтер не оглянулся в этот момент, – многое прочитал бы на лице Ульмана. Когда же тот прикрыл за собой калитку и посмотрел через забор, Фридрих пришел в себя – улыбнулся и даже приветливо махнул рукой на прощание.

Опять пришлось выкурить внеплановую сигарету: надо было собраться с мыслями. Фридрих постоял несколько минут, опершись спиной о грушу, потом крикнул Марте, чтобы вынесла пиджак, и неторопливо направился к центру поселка.

Издали заметил сына. Горст стоял возле клуба в окружении юношей и, очевидно, рассказывал что-то, размахивая рукой.

Эта привычка, жестикулировать разговаривая, всегда раздражала старого Ульмана и приносила Горсту в детстве немало неприятных минут. И все же искоренить ее Фридриху так и не удалось – Горст был упрямым мальчишкой, и окрики отца лишь пробуждали в нем неосознанный отпор.

Ульман остановился за несколько шагов от молодежи, став так, чтобы сын не видел его, а сам он слышал каждое слово Горста. Сделал вид, что рассматривает витрину магазина.

Разговор шел о вчерашней кинохронике, посвященной операциям вермахта в Польше. Фридрих искоса взглянул на сына, и лицо его невольно расплылось в гордой улыбке. Что ни говори, а парень вырос разумный: рассуждает так, что сам Гиммлер вряд ли придрался бы к нему, – и в то же время себе на уме... Знает, кто его слушает, – пареньки, которые не сегодня завтра пойдут в армию, – и нарочно сгущает краски. Со стороны слова Горста звучат вполне патриотично – солдат умирает, не испугавшись смерти, – но стоит внимательнее посмотреть в глаза слушателей... Должно быть, не очень хочется им умирать...

А Горст уже перескочил на собственные фронтовые воспоминания. Старик усмехнулся: послушать парня, так не поймешь, как обходится бедный рейх без такого солдата!

А те, что слушают, пораскрывали рты... Да и как не слушать, когда Горст Ульман воевал чуть ли не год в России. Там, где-то возле Днепра, ему оторвало пальцы на руке. Но что такое пальцы, когда на груди красуется Железный крест второй степени – заветная мечта всех пятнадцати- и шестнадцатилетних!

Горст все размахивает и размахивает руками. Интересно, куда он клонит?

– Без руки или ноги, – разглагольствует, – я еще солдат. Это чепуха, что меня списали в тыл. Когда русские подойдут к границам рейха, такие, как мы, еще пригодимся...

Ульман удовлетворенно прищурился. Неплохо сказал парень: может, кто-то и задумается – война все ближе придвигается к границам Германии, и что ожидает рейх, если возникнет потребность даже в безруких солдатах?

– Но, – продолжает Горст, – в руку редко когда попадают. А если пуля не зацепит кости, то это вообще, – презрительно тряхнул головой, – не ранение. Настоящая рана – это когда в грудь или в живот. Правда, после такой мало кто поправляется, но это никогда не пугало солдат фюрера!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.